

АНДРЕЙ 1 ФРОЛОВ

ГОРОД
ЛИФТОВ
ПУТЬ НАВЕРХ

Город Лифтов

Андрей Фролов

Путь наверх

«Автор»

2013

Фролов А. Е.

Путь наверх / А. Е. Фролов — «Автор», 2013 — (Город Лифтов)

ISBN 978-5-699-60599-6

Жизнь школьников Димки, Витьки и Насти проста и наполнена родительской любовью. Но мир за пределами Заботинска трудно называть добрым. Обитатели гигантского Спасгорода никогда не видели настоящего солнца, разумные Лифты обладают непростыми характерами, а на неизведанных этажах-полянах обитают... не совсем люди. Однажды решившись на рискованную шалость, ребята столкнутся с мрачными тайнами, суровыми лишениями и враждебностью незнакомцев. Смогут ли злоба, пули и когти остановить близнецов на их труднейшем пути домой?

ISBN 978-5-699-60599-6

© Фролов А. Е., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Пролог	5
Вступление	9
Глава 1,	11
Глава 2,	25
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Андрей Фролов

Путь навверх

Пролог

В уютном зрительном зале медленно гаснет свет. Почти сразу в сердцевине невесомого проволочного куба, куда нацелены амбиграфические проекторы, вспыхивает волшебный зеленый росток. Он тянется ввысь, превращается в полноценный стебель. На макушке его зреет бутон, символизируя нечто таинственное. Лепестки цветка грациозно раскрываются, постепенно истончаясь до прозрачности.

Мелькает блеклая, испещренная помехами эмблема Гильдии. Объемный значок неспешно проворачивается на 360 градусов, чтобы было заметно на всех зрительских местах. Затем в каркасе школьного амбивизора молнией пронесется сопроводительная информация: «Учебное пособие Н202-5/12». Две последние цифры означают возраст аудитории, которой адресована передача. «ПРАВИЛА ПОЛЬЗОВАНИЯ ПАССАЖИРСКИМ ЛИФТОМ С АВТОМАТИЧЕСКИМ ПРИВОДОМ ДВЕРЕЙ», – гласит заголовок.

Вставленные в главный проектор тонкие амбикарты, похожие на блестящие пластинки слюды, очень стары. Немного обколоты по краям, потертые и исцарапаны. Их используют далеко не первый учебный год, отчего объемное изображение в специальном проволочном кубе время от времени рябит и подрагивает. Цвета тусклые, приглушенные, но это не мешает младшеклассникам различать происходящее внутри амбивизора.

В кубе появляется мультипликационный мужчина – высокий, элегантный и немолодой, с тонкой улыбкой мудрого наставника. На голове у него старомодная шляпа. В руках информационный планшет, поверх которого он как будто бы изучает зрителей, медленно поворачиваясь вокруг своей оси.

– Здравствуйтесь, дети, – приятным голосом произносит персонаж, слегка приподнимая шляпу и продолжая улыбаться. – Меня зовут профессор Разумов, и мы уже встречались с вами на курсах неотложной медицинской помощи и уроках техники безопасности жизнедеятельности.

Разумов переставляет длинные ноги, вышагивая на месте. При этом мультяшная фигура все же движется, и в кадр неспешно вползает кабина с двустворчатыми дверьми, в которой безошибочно угадывается лифт.

– Уверен, подобную передачу вы уже неоднократно смотрели дома вместе со своими родителями. – Профессор кивает, с пониманием разводя руками. – Но школьная программа предусматривает ежегодное закрепление пройденного материала. Поэтому сегодня мы еще раз повторим правила, знать которые обязан каждый. И в этом мне посодействует мой верный товарищ и ассистент Помогалкин.

Он по-дружески подмигивает аудитории. Вторя этому чуточку хулиганскому жесту, над двустворчатыми дверьми вспыхивает ярко-желтый (из-за старости амбикарты он кажется тусклым и почти бесцветным) огонек светодиода.

– Просыпайся, Помогалкин, – приветствует профессор кабину, склоняясь над пультом вызова и говоря в специальные микрофоны. – Готов рассказать нашим юным зрителям свод правил?

Диоды на пульте мигают, а двери распахиваются. У нарисованного лифта вдруг вырастают забавные пухлые ножки и ручки. Над входом, где еще недавно виднелось узкое информационное табло, прорезаются глаза и широкая улыбка.

– Здравствуйте, профессор! Здравствуйте, дети! – Помогалкин жизнерадостно машет рукой, пританцовывая на месте. – То, что мы с профессором сейчас расскажем, должен знать каждый!

Разумов неспешно начинает. Помогая себе жестами, он вкратце описывает основные компоненты вызывного аппарата и перечисляет разнообразные коды доступа, которым издавна подчиняются кабины. Продемонстрировав сразу несколько протоколов вызова, профессор напоминает, что пока зрители не подросли, им запрещено пользоваться грузовыми, курьерскими и скоростными кабинами, а также пассажирскими и развлекательными – без сопровождения взрослых.

В амбивизоре, прямо над мультипликационным лифтом и мужчиной в шляпе, вспыхивает слово «Важно!». После чего оба персонажа с демонстративной строгостью грозят аудитории пальцами.

– Помните, дети, – со всей серьезностью произносит профессор Разумов, – после автоматического открывания дверей вы обязаны убедиться, что кабина находится прямо перед вами.

Вдруг мультяшный лифт хулиганисто отпрыгивает в сторону. Мужчина этого не замечает. Резко оборачивается, собираясь сделать шаг, но вовремя замирает на месте. Какое-то время Разумов балансирует на одной ноге, словно стоит на краю обрыва. Затем восстанавливает равновесие, укоризненно грозя Помогалкину пальцем. Тот виновато пожимает «плечами» и объясняет, что техника, даже самая разумная, не застрахована от накладок.

– Для того и нужны правила! – назидательно добавляет лифт, поворачиваясь к зрителям.

– Верно, мой славный помощник! Войдя в кабину, установите желаемый протокол, – продолжает Разумов, похлопав по выпуклой дверце-пузу. – Выберите пункт назначения, после чего лифт приступит к выполнению предписанной программы. Двери закроются автоматически, кабина придет в движение. Если же протокол неверен или необходимых полномочий у вас нет, лифт сам вступит с вами в аудиальный контакт, указав на это и не позволив нарушить закон.

Помогалкин мягко закрывает створки, подмигивает детям и со смешным звуком перепрыгивает через профессора, снова оказываясь у него за спиной. Наклоняясь вперед, лифт делает вид, что чешет несуществующую макушку.

– Но что делать, если протокол верен и подтвержден, после его ввода двери закрылись, а кабина не пришла в движение? – озадаченно спрашивает он, с надеждой глядя на мужчину.

– Тогда вам следует ввести протокол открытия дверей и немедленно покинуть лифт, – поправляя нарисованную шляпу, со знанием дела отвечает ему нарисованный Разумов. – Если вам не удалось установить с кабиной голосовой контакт или какой-то из протоколов не выполнен, пользоваться неисправным лифтом строго запрещено!

Помогалкин вскидывает вверх указательный палец, словно вдруг все понял. На «лице» его сияет улыбка. Все еще торжествуя, пузатый персонаж добавляет:

– Помните, что при поездке взрослых с детьми первыми в кабину должны входить взрослые, а уже затем – дети. – Над головами героев передачи появляются несколько объемных значков, иллюстрирующих правила. Некоторые символы перечеркнуты красной линией. – При выходе первыми должны идти дети.

– Совершенно верно, Помогалкин! – хвалит его профессор. – Если же неисправность застала вас в пути, введите протокол вызова технического персонала. Сообщите необходимую информацию диспетчеру и точно выполняйте его указания.

– Да-да, – торопливо кивает лифт, подчеркивая важность момента, и машет рукой. – Ни в коем случае не пытайтесь покинуть неисправную кабину самостоятельно и не позволяйте делать этого сопровождающим вас взрослым!

– Умница, Помогалкин! Ты абсолютно прав! – Разумов сияет, крайне довольный своим помощником. – А еще, дети, вы должны помнить, чего нельзя делать при работе с нашими верными помощниками.

Он заглядывает в планшет, словно вдруг запомнил лекцию. Над его головой начинают вспыхивать сопроводительные пиктограммы, наглядные и простые.

– Детям дошкольного возраста запрещено пользоваться лифтом без сопровождения взрослых! – говорит мужчина, указывая на значок, замигавший над шляпой. Помогалкин, иллюстрируя запрет, скрещивает на пузатой груди руки, словно перечеркивая вход в кабину. – Также пользование лифтом запрещено, если кабина задымлена или в ней ощущается запах гари.

Из закрытых створок Помогалкина начинается карикатурный дымок, а сам ассистент принимается смешно бегать вокруг профессора, размахивая руками.

– Также в пассажирских кабинах, которыми в ближайшие несколько лет вы научитесь пользоваться, – продолжает Разумов, сильно дунув на помощника и вихрем мультяшного ветерка затушив пожар, – запрещено перевозить взрывоопасные, легковоспламеняющиеся и ядовитые грузы. Для этого существуют особенные лифты, специально подготовленные к таким видам перевозок.

На «голове» Помогалкина появляется каска, а на руках – здоровенные синие резиновые перчатки. Он наставительно обращается к зрителям, снова поднимая вверх бледно-синий палец.

– Если вы заметили, что кто-то из взрослых нарушает данное правило, немедленно свяжитесь с диспетчером через пульт протокольного доступа и сообщите о правонарушении! – говорит лифт, и профессор согласно кивает в ответ.

– Также вы можете сделать взрослым замечание, – добавляет Разумов, – если кто-то из них, забывшись, вталкивает в кабину или вывозит из нее коляску с ребенком внутри.

– Конечно! – подхватывает Помогалкин. – В момент входа в кабину и выхода из нее маленькие дети должны находиться на руках у взрослых!

– Именно так, Помогалкин, ты молодец! – хвалит его профессор, удовлетворенно кивая и призывая аудиторию оценить отменную сообразительность своего помощника. – А еще вы должны внимательно следить за индикаторами перегрузки кабины. И никогда – слышите меня? никогда! – не пытайтесь вручную открывать двери лифта, даже если тот неисправен и не отвечает на попытки установления голосового контакта!

За спинами ведущих начинают появляться новые мультипликационные лифты. Толстые и тонкие, массивные и хрупкие, многоместные и совсем тесные – они входят в кадр и окружают Разумова и Помогалкина кольцом. Стоят смиренно, молча и приветливо глядя на юных зрителей.

– Помните, дети! – Разумов кивает каждому, кто сидит в школьном зале для просмотра учебных программ. – Лифт никогда не навредит человеку и не пойдет против его воли, если верны полномочия доступа и согласованные с администрацией протоколы.

Мультипликационные лифты вокруг мужчины улыбаются. На них можно заметить самые различные маркировки и аббревиатуры. Тут и скоростные гонщики, и курьеры, и тяжелые транспортники – скопление машин символизирует единство человека и его творений.

– И главное, ребята! – Профессор снимает шляпу, обводя широким жестом окружившие его кабины. – Помните, лифты нужно беречь. Они не только наши верные помощники. Они наши самые преданные друзья, без которых городская жизнь была бы гораздо сложнее! Берегите лифты. Будьте с ними вежливы, аккуратны и законопослушны, и они отплатят вам заботой и любовью!

Вся сотня кабин на смешных ножках, собравшаяся вокруг профессора и его ассистента, поднимает руки. Улыбаясь, нарисованные механизмы приветливо машут школьникам, словно подтверждая произнесенные напоследок слова.

Картинка начинает темнеть. Еще раз вспыхивает объемный значок Гильдии, мелькает надпись «конец учебного пособия». После чего амбиграфические проекторы затухают, и в уютном зрительном зале медленно загорается свет.

Вступление

Эта история произошла давным-давно в далеком-предалеком будущем. Может быть, она и вовсе не происходила, но тогда вы имеете все основания поинтересоваться, откуда же мне известны ее подробности? Выходит, она все же произошла? Пожалуй... Сложно установить, когда и где именно, но это факт. Я попробую рассказать вам эту увлекательную историю, не упустив ни единой детали. И уже вам самим решать, насколько она правдоподобна.

Все началось с того, что герои истории решили отправиться из дома за своим отцом и оказались в довольно зловещем месте, куда их привез Лифт Высокого класса. Кто знает, произошли бы все эти мрачные, но захватывающие события, если бы дети были послушны и всегда следовали правилам взрослых? Наверное, не произошли бы. Но известно даже малышам: прелесть любой истории заключается в том, что она всегда начинается с чего-то манящего, а подчас даже запретного. Хотя тут мы излишне забегаем вперед, и наперво стоит рассказать еще кое о чем...

Спасгород существовал испокон веков. С незапамятных времен, сколько себя помнили населявшие его люди. Так утверждали все без исключения взрослые, об этом писалось в толстенных учебниках истории, об этом авторитетно рассуждали мудрые жители верхних ярусов Спасгорода, которых в остальном городе называли Смотрителями.

Он был вечен и велик – город, носящий такое спокойное и красивое название. Прочно опираясь на земную твердь, он шпилем возносился к невидимым небесам. Впрочем, вполне возможно, никуда он не возносился, а вообще скрывался под землей на многие и многие этажи. Но одно я знаю точно – никто не мог с уверенностью определить, какого размера был огромный цилиндр (для легкости повествования мы будем именовать его башней), населенный сотнями тысяч (а может, и миллионами) людей.

Я говорю – никто не мог с уверенностью определить его размеров, – потому что для этого необходимо было выйти за стены Спасгорода и окинуть его хотя бы одним-единственным взглядом. Но это было попросту невозможно. Потому что за стенами города царил страшная опасность, подстерегающая всякого, кто мог бы попытаться покинуть внутренний периметр. Подтверждая значение этой опасности, город-башня не имел ни одного окна или внешней двери. Потому что окно (в отличие от крепкой металлической стены) не всегда способно уберечь тех, кто внутри, от того, что находится снаружи.

Но живущие в безопасности Спасгорода люди ни капельки не расстраивались по поводу отсутствия окон – свет им дарил самый мощный в мире прожектор под названием Светоч-ЗСИ-2, чьи лучи проникали на каждый без исключения ярус. Погасая через равные промежутки времени, этот замечательный прибор сообщал горожанам, что наступает ночь и пора укладываться спать. Именно поэтому, как и у нас с вами, у жителей города существовали понятия день и ночь, утро и вечер, время полдника или же полночь.

Не было в Спасгороде проблем и с чистым воздухом. Его давал городу еще один любопытный прибор. Он носил красивое имя Поток-ЗВИ-4 и день за днем наполнял просторные этажи чистым вкусным воздухом, температуру которого можно было легко регулировать в зависимости от задачи. Например, на полянах с оранжереями, где фермеры выращивали картошку, клубнику, помидоры, зеленый лук и еще целую кучу нужных и полезных продуктов, температура всегда была высокой. А чуть выше, на этаже Снежные Склоны, где для детей и взрослых работали прекрасный ледяной каток и лыжные трассы, было холодно, будто настоящей зимой.

Нужно сказать, что различные приборы, станки и вообще механизмы неопределимо облегчали горожанам жизнь. Специальные перерабатывающие установки давали чистую воду, кухонные комбайны и печи помогали готовить еду, многоместные самокаты возили пассажиров по территориям ярусов. А специальная информационная сеть позволяла смотреть по амби-

визорам (это почти как телевизоры, только картинка объемная и проецируется в специальную коробку) хорошие фильмы и новостные передачи.

Но первыми среди первых и лучшими среди лучших из всех помощников человека в городе издревле оставались Лифты. Пассажирские и грузовые, Высокого, Среднего и Низкого классов, неторопливые и скоростные, стеклянные и похожие на железные бочки – они были повсюду и везде. И это справедливо, ведь без Лифтов в городе, похожем на огромный цилиндр, было бы невозможно перемещаться между этажами. С их помощью люди отправлялись из жилых кварталов на работу и возвращались с нее. Возили свои семьи в магазины и на ярмарки. Ездили в гости к друзьям с других полей или катались отдыхать в Зеленые Зоны, где росли удивительной красоты деревья и цветы.

Однако стоит помнить, что Лифты Спасгорода не были обыкновенными кабинами, бездумно перемещавшими людей с этажа на этаж. Они были разумны и мудры. Да-да, именно так – разумны, способны разговаривать и весьма умны. Они определяли размеренный и отлаженный ход жизни Спасгорода.

Ни один из них (даже самый любопытный и разговорчивый) никогда бы не отвез убежавшего из дома шалуна на этаж с рабочими цехами, где детям опасно находиться. Ни один из них (даже самый деловой и торопливый) не позволил бы нарушить правила транспортировки различных грузов. Ни один из них (даже самый избалованный и себе на уме) не повез бы бездельников в парк аттракционов, пока не окончен рабочий день. Лифты помогали людям, они жили с ними бок о бок, и люди платили Лифтам уважением и заботой.

Именно для заботы о Лифтах еще в стародавние времена на верхних этажах Спасгорода, где размещались ремонтные цеха, была создана Гильдия Смотрителей. Эти трудолюбивые и умные люди чинили Лифты, смазывали их моторы, настраивали центральные процессоры, чистили кабины и иногда модернизировали устаревавшие модели. За это Смотрителей очень-очень уважали в городе, обязательно прислушивались к их мнению и старались всячески помогать их нужной и важной работе.

Да-да, вы верно догадались – в точности с одним из таких уникальных Лифтов и связано начало нашей истории! Впрочем, не только начало, но не станем забегать вперед. Как мы и договорились, давайте рассказывать по порядку...

Глава 1, в которой люди и Лифты нарушают установленные правила, а кое-кто отправляется в неожиданное и довольно рискованное путешествие

Это был самый обычный и ничем не примечательный день, один в один похожий и на вчерашний, и на позавчерашний. Эрудированный читатель, конечно, знает, что именно в такие ничем не выдающиеся дни и начинаются самые интересные приключения...

Так вот, день был заурядным, не предвещал ничего удивительного и лишь напоминал, что до выходных осталось всего два таких же непримечательных учебных денечка. Утро началось, как всегда, с яркого луча Светоча, сквозь оконные стекла и прозрачные зеленые занавески проникшего в дом наших юных героев. В добротный и симпатичный двухэтажный дом под красной черепицей, что располагался на ярусе Заботинск и входил в один из кварталов целого поселка таких же симпатичных и крепких домов, в которых жили механики и их семьи...

Наверное, мне нужно пояснить, как это двухэтажный дом уместился всего на одном этаже Спасгорода? Все дело в том, что городские ярусы, которые в башне с давних пор называли «полянами», были гораздо выше, чем привычные всем нам этажи домов или магазинов. Например, расстояние от пола до потолка было таким большим, что в него легко вместились бы огромная «десятиэтажка».

Древние строители Спасгорода специально устроили все именно так – слишком низкая крыша поляны напоминала бы людям о мрачных пещерах или катакомбах, заставляя грустить и злиться без повода, а высокие своды радовали глаз. Несомненно, даже самый высокий потолок не мог быть похож на небо, каким его знаем мы с вами. Но старинные зодчие сделали все, что могли. А могли они многое – и потому под сводами голубого цвета часто парили искусственные облака, очень похожие на настоящие.

Чтобы не избавляться от этой приятной иллюзии живого небосклона, городские власти (большую часть которых составляли мудрые Смотрители) издали закон, запрещающий строительство зданий выше четырех «обычных» этажей. Именно поэтому все жилые поселки Спасгорода, на какой бы поляне они ни располагались, больше напоминали уютные деревеньки или крохотные городки, застроенные невысокими домиками с разноцветными черепичными крышами.

Теперь продолжим...

Отраженный хитроумной системой сотен зеркал, установленных под высоким потолком, ослепительный взор Светоча разлился по поселку. Точнехонько в эту же секунду почти во всех домах заиграли свои жизнерадостные мелодии будильники, поднимая взрослых на работу, а детей в школу. Распахивались окна, чтобы впустить в комнаты потоки свежего воздуха и выгнать остатки сна. Захлопали двери, когда уже проснувшиеся поселчане вышли во внутренние дворы своих домов, чтобы сделать обязательную зарядку. Включалась музыка, где-то свистел чайник. И в этих звуках, привычных и родных, было что-то столь уютное и домашнее, что хотелось улыбаться друг другу и желать всем доброго утра.

Страхивая с лица последние паутинки сна, в ванную комнату для взрослых босиком прошлепал отец семейства – высокий и статный Петр Петрович, механик третьего (почти самого высокого) разряда, имеющий доступ даже к ремонту водоочистительных резервуаров. Как всегда по утрам, привычно задержавшись у дверей детских комнат, он строго и многозначительно постучал по деревянному косяку, напоминая соням, что утро уже наступило. В ответ из-за дверей донеслось привычное утреннее мычание, после чего вновь воцарилась тишина.

Конечно же, дети Петра Петровича просыпались не сразу, как и все дети в мире, не желая покидать теплых постелей и честно убеждая себя, что обязательно встанут ровно через пятнадцать минут. Так они и нежились в кроватях, пока в ванной шумела вода. Однако когда на обратном пути Петр Петрович уже готовился вновь постучать, на этот раз еще более решительно, на пол полетело сразу три детских одеяла. С визгом, топотом и смехом из комнаты выскочили двое мальчишек, похожих друг на друга, словно зеркальные отражения. Сейчас, когда они в буквальном смысле слова застряли в дверном проеме, хватаясь за рукава, отпихиваясь локтями и пытаясь как можно скорее попасть в коридор, Петр Петрович мог различить их лишь по цвету пижам.

Одновременно из комнаты напротив, ни с кем не толкаясь, но столь же радостно визжа, выскочила девчонка. И даже одного взгляда на эту девочку хватало, чтобы с точностью утверждать, что она приходилась мальчишкам не просто сестрой – она была похожа на них, как похожи цветы с одной лесной полянки. Разве что ее лицо, коленки и локти не украшали многочисленные ссадины и порезы, но ведь на то она и была девочкой, не так ли?

– Доброе утро, Настенька, – только и успел сказать Петр Петрович, отступая в сторону, чтобы не быть стоптанным во время традиционной утренней гонки.

– Привет, па! – Опередив мальчишек ровно на волосок, девочка по имени Настя первой ворвалась в детскую ванную комнату, захлопнув дверь прямо перед носами обоих.

– Ну вот, это из-за тебя продули! – Тот, что носил красную пижаму, беззлобно ущипнул брата за плечо.

– Если бы ты не так торопился выиграть, мы бы не продули! – Второй мальчик, одетый в зеленое, несильно толкнул брата в грудь и прислонился к стене, протирая сонные глаза. – Опять ее дурацкие учебники в школу тащить... Доброе утро, пап!

Только сейчас заметив в коридоре Петра Петровича, мальчишки улыбнулись отцу.

– Доброе утро, разбойники... – Тот потрепал обоих по давно не стриженным белобрысым макушкам. – Умывайтесь скорее, пора на зарядку. Мама сегодня вернется чуть пораньше, так что завтракать сядем вместе...

– Круто! – Радостно подпрыгнул на месте мальчик, одетый в красную пижаму.

– Здорово, – сквозь зевоту согласно протянул его брат, после чего оба поплелись в сторону второй ванной комнаты.

– Готовьтесь отработывать, неудачники! – Сквозь закрытую дверь донесся до них голос сестры, после чего девочка зашлась залихватским смехом. – У меня сегодня целых четыре предмета!

– Настенька! – Петр Петрович уже спускался на первый этаж дома. – Не груби братьям. Витя, Дима, жду вас на улице...

– Давай быстрее, Витька! – Мальчик в красной пижаме оглянулся на дверь, за которой все еще посмеивалась сестра. – А то она еще и на зарядку быстрее нас успеет...

– Спешить тоже надо уметь, – многозначительно произнес его брат, поднимая вверх указательный палец, после чего склонился над раковиной и включил кран.

После того, как оба близнеца потратили запас отведенной на утреннее умывание воды и прополоскали рты специальным средством для чистки и укрепления зубов, они спустились в гостиную. Настя, к явному неудовольствию обоих, уже ждала там.

– Ну что, копуши, марш на улицу. Да про тапочки не забудьте, – перехватывая резинкой свои длинные светлые волосы в хвост, командирским тоном приказала она. И легким шагом, больше не оглядываясь на мальчишек, вышла во двор через заднюю дверь.

Несмотря на абсолютно одинаковый возраст, сестра подчас вела себя так, словно на самом деле была старше братьев как минимум на два года. В этом ей помогал и рост – ровесница и точная копия братьев, она была все же на несколько сантиметров выше. Чем все чаще пользовалась, надменно поглядывая на мальчишек сверху вниз.

– Раскомандовалась, понимаешь... Без тебя бы не разобрались, – негромко проворчал Димка себе под нос, но обулся у порога и послушно последовал за Настей.

– Пусть себе командует, завтра точно мы выиграем, – прошептал ему Витька, словно был полностью уверен в своих словах, тоже выходя под теплые потоки Светоча.

Вообще-то, в этом месте нашей истории я хотел бы отдельно отметить, что два брата и сестра жили очень дружно. Гораздо дружнее других братьев и сестер с их улицы, да и вообще из поселка механиков. Близнецы, предельно похожие внешне, но очень разные по характеру, искренне упивались общением друг с другом, не расставаясь ни в школе, ни на улице, ни в проделках. Уже не совсем дети, но еще и не помышлявшие о скором взрослении подростки, сейчас они – все трое – находились в том замечательном возрасте, когда нет ничего дороже крепкой дружбы и братской поддержки. А потому если в семье Петра Петровича между детьми и происходили ссоры, они никогда не были шумными или длительными, а любое соперничество протекало благородно и по неписанным семейным правилам.

Стоя на внутреннем дворе своего крохотного уютного дома, который Спасгород дарил каждому жителю в зависимости от профессии и таланта, все четверо сделали короткую эффективную зарядку.

Поселок продолжал просыпаться, а в сторону рабочих Лифтов уже уходили ранние многоместные самокаты. Скоро они доставят в цеха первые партии механиков, через какое-то время вернувшись за второй сменой, в которую входил и Петр Петрович. То здесь, то там лучи Светоча бликовали на хромированных шахтах многочисленных Лифтов, похожих на сотни труб, исчезающих в облаках, чтобы подпереть светло-голубой лист крыши над поляной. Из соседнего дома лилась приятная музыка, где-то через улицу женщина кричала собиравшимся в школу детям, чтобы не забыли тетради.

Весело болтая друг с другом, Петр Петрович и его дети вошли в дом. А здесь, к радости и удивлению всех, их уже ждала мама, возвратившаяся с работы. Настя первой кинулась в ее объятия, заботливо интересуясь, не устала, не заболела ли она. Петр Петрович обнял и ласково поцеловал жену, а сыновья, пусть и с легким недовольством, также получили по одному материнскому поцелую в щеку. Беззлобно кривляясь, Витя и Дима переглянулись, но ничего не сказали – если поцелуй мамы при сверстниках из школы уже становился для них ненужной обузой, то дома они не могли отказать ей в таком проявлении нежности.

– Уф, как же я устала, – объявила Юлия Николаевна, опускаясь на удобный пуф у входных дверей и расстегивая сандалии. – Сейчас лишь бы перекусить, и на боковую... Какие пожелания на ужин?

Сколько бы ни навалилось работы, как бы сложно ни прошла ночь, мама всегда выглядела жизнерадостной и полной сил. Одной-единственной улыбкой она разгоняла любые тучи. Вот и сейчас, одетая в легкое желтое платье и белую накидку в горошек, женщина казалась едва ли не живым воплощением частички Светоча, пришедшей в их дом.

Настя начала о чем-то увлеченно рассказывать, Петр Петрович поинтересовался возможностью приготовления картофельного рагу, а мальчики хором затребовали грибной пирог. Юлия Николаевна рассмеялась и сказала, что постарается что-нибудь придумать. Такие беседы по утрам в будни являлись частью семейного ритуала и по-своему дарили уверенность в будущем.

Вероятно, вы удивлены, что Юлия Николаевна пришла с работы именно рано утром, когда ее дети и муж только просыпались, чтобы позавтракать? Но дело в том, что она работала в ночную смену, а это позволяло получать неплохую прибавку к жалованию. Однако на самом деле причина крылась вовсе не в жаловании – просто предприятие, на котором трудилась мама Насти, Димы и Вити, работало только в ночном режиме, когда энергия Светоча была уже не нужна людям и распределялась на других обитателей Спасгорода. Предприятие это

было довольно секретным, опасным и хорошо охраняемым, а доступ на его поляну осуществлялся всего несколькими Специальными Лифтами.

Изолированность фабрики, сложный доступ сотрудника на свое рабочее место, многократная обработка одежды и кожи различными химическими составами – все это было жизненно необходимо, потому что Юлия Николаевна работала на животноводческой ферме, способной как прокормить целую часть города, так и уничтожить ее... И как бы ни отговаривал муж, ни волновались дети и ни нашептывали «советы» соседки, Юлия Николаевна не боялась работать с потенциально опасными животными.

– Лифты уберегут, – не уставала повторять она раз за разом любимую поговорку и улыбалась, как будто на свете вообще не могло произойти ничего страшного. – А если Лифт не выдаст, то и Птица не унесет!

А потому ночь за ночью она бесстрашно уходила работать в коровники на нижних полянах, откуда такие же бесстрашные специалисты поставляли в магазины города молоко, мясо, творог или сыр. Возвращалась утром, оставляя усталость за ярко-белым палисадом, потом спала до обеда, после чего хлопотала по дому, готовя ужин или прибираясь...

– Садитесь завтракать! – Довольно скоро этот клич звонко разлетелся по комнатам дома, и вся семья дружно собралась за столом на кухне.

На этот раз домочадцы успели переодеться – братья и сестра были одеты в одинаковые черно-желтые рубашки и просторные штаны, а их отец натянул выдавший виды, но еще добротный рабочий комбинезон.

Дети толкались, обмениваясь шутками. Петр Петрович был, как обычно, сосредоточен и погружен в себя – водрузив на кончик носа крохотные круглые очки, он читал утренний газетный листок, ночью вложенный в их почтовый ящик. И только мама – светлая и улыбкающая, порхала над всеми, расставляя тарелки с кашей, накладывая румяные оладьи и наливая в кружки дымящийся чай.

– А нашей смене на работе премию дают, говядины три килограмма, – продолжала хлопотать она, с улыбкой наблюдая, с каким аппетитом едят дети. – На выходных приготовим жаркое, да еще на суп и холодец останется. Кушай, Витенька, возьми еще оладушку...

– Спасибо, ма, я уже наелся...

Но тут их застольный разговор прервал Петр Петрович, обернувшийся к радиоприемнику на тумбе.

– А ну-ка, семейство, потише...

Привстал со стула. Провел пальцем по засаленной сенсорной панели, с усилием делая громче, и старенький крохотный передатчик забормотал чуть разборчивее. Радио в Спасгороде было одно, зато хорошее – каждый час по нему передавали новости, крутили современные и старинные песни, а по вечерам транслировали интересные интервью с самыми разными жителями города – от строителей до профессиональных электриков.

– К остальным новостям... – Чуть искаженный помехами, голос диктора был приятен и глубок. – Минувшей ночью в районе Нижнего Шлюза была перехвачена стая крыс, пытавшаяся пробраться на поверхность поляны Черемухин. На безопасном расстоянии вредители были уничтожены специальной группой быстрого реагирования Лифтов Скоростного Назначения, место контакта оцеплено и продезинфицировано. Как сообщили нашей редакции в пресс-центре Гильдии Смотрителей, операция была проведена быстро, эффективно и не оставила крысам ни единого шанса на успех...

– А почему нужно де-зин-фи-цировать место столкновения с крысами?

Настя внимательно выговорила громоздкое слово по слогам, обернувшись к отцу. Но вместо Петра Петровича ей ответил Витя.

– Потому что крысы, как и живущие за стенами города пернатые, переносят заразу, часто смертельно опасную для человека, – поучительно сказал он, прихлебывая чай. – Особенно, если крысы идут со Свалки, что под Нижними Шлюзами.

– Совершенно верно, – папа кивнул, подтверждая произнесенные мальчиком слова, но Насте этого показалось мало.

– А нам на уроках до сих пор изображение крысы не показывали... – Теперь она говорила с обидой, будто ей на самом деле не терпелось изучить этих страшных созданий. – Дескать, только через два класса можно будет...

– И правильно! – вмешалась в разговор мама, убирая со стола пустые тарелки. – Нечего на всякие ужасы смотреть. Вот подрастете, тогда вам в школе про крыс и червей больше расскажут...

И она многозначительно посмотрела на мужа, ответившего ей тем же. Ну, вы, вероятно, знаете такой тип взгляда, которым взрослые обычно обмениваются в присутствии детей. Ничего плохого в нем нет, если не считать плохим тот оттенок легкого высокомерия, которым старшие пытаются в очередной раз доказать себе, что понимают многим больше подрастающего поколения.

Витя и Настя, заметившие эту переглядку, украдкой улыбнулись друг другу. А Димка и вовсе ничего не понял, увлеченно дожевывая оладью.

– Ну все, дорогие мои, пожелайте маме спокойного сна. – И Юлия Николаевна, несмотря на мученические гримасы сыновей, еще раз поцеловала всех своих детей в щеку. – В школе не шалите! Как вернетесь, найдете перекусить в холодильном отсеке, там бутерброды с шоколадным маслом. Настя, проследи, пожалуйста, чтобы братья поели и умылись.

– Конечно, мама. Хорошего отдыха – алмазы в сон, Птицы вон!

– Спасибо, любимые.

И она легкой походкой отправилась наверх, чтобы запереться в спальне и позволить усталости наконец-то победить себя, укрыв одеялом сна.

Не отрываясь от новостного листка, Петр Петрович составил грязную посуду в моечное отделение, на ощупь вынул из шкафчика синюю овальную капсулу. Вложив ее в окно пневматического передатчика, он закрыл заслонку, и медная труба с легким хлопком всосала депешу, по скрытым каналам неся ее в Ратушу поселка. Именно оттуда, после рассмотрения запроса, семье Петра Петровича будет выписано разрешение получить новую порцию технической воды для бытовых нужд.

Дети в это время разошлись по своим комнатам, собирая школьные сумки.

– Четыре предмета, неудачники, не забыли? – С улыбкой победителя Настя появилась на пороге мальчишеской комнаты, держа в руках стопку учебников. – Кто понесет?

– Давай пополам, что уж...

Димка, не скрывая разочарования, шмыгнул носом и забрал книги у сестры. Отдал два учебника (что потоньше и полегче) брату, остальные засунул в свой ранец. Это ежеутреннее состязание было предельно честным – встававший позже всех и опаздывающий в детскую ванную комнату тащил учебники победителя. В этот раз проигравшим (как чаще всего и бывало) оказался Витя, но Димка никогда не позволял брату самостоятельно нести бремя проигрыша.

– Введение в гидропонику. Начальный курс, – прочитал он на одной из обложек. – Ну и ерунду преподают девчонкам...

– И вовсе не ерунда, – вдруг обиделась Настя, упирая руки в бока, – это очень полезная и жизненно необходимая Спасгороду наука. Софья Павловна говорит, что, если в городе не останется специалистов по гидропонике, может начаться голод!

– Ой, можно подумать, – с дерзкой усмешкой фыркнул Димка, но учебник в сумку убрал. – А вот у нас сегодня токарное искусство, это Спасгороду куда нужнее...

– Тсс, – вдруг произнес Витя, прикладывая указательный палец к губам.

Спорщики разом замолчали. Потому что если их брат, слывший тихоней и умником, внезапно говорил «тсс», это означало что-то исключительно важное. А если повезет, то и жутко интересное – идеи Вити еще никогда не обманывали ожиданий остальных. Вот и сейчас он застыл у окна, даже не зашнуровав ранец, и будто бы к чему-то прислушивался.

– Что такое? – невольно заговорив шепотом, спросил Дима, которого мгновенно начало распирает от азарта и нетерпения.

– Слышали? – Витя повернулся к сестре. – Самокат к дому подъехал.

Отложив учебники на стул, он встал сбоку от окна, выглядывая из-за занавески.

– Точно самокат, – он кивнул со знанием дела. – Легковой, одноместный! Красивый какой, смотрите!

Но ни Димку, ни Настю не нужно было принуждать посмотреть на самодвижущийся аппарат, припаркованный возле ограды их дома. Подскочив к брату, они жадно уставились в окно, невольно задерживая дыхание.

В этот момент (полагаю, меня многие поймут) в трех детских сердцах разгоралось что-то, с трудом поддающееся описанию. Что-то безусловно жгучее, кипучее, стремящееся на волю. С волнением разглядывая темно-синюю машину у калитки, они в очередной раз ощутили ту невидимую, но очень прочную связь, что сковывает всех близнецов на свете. Не в силах объяснить словами, отчего так участилось их дыхание, они не совсем понимали, что происходит. Но уже точно знали, что стали свидетелями чего-то очень необычного.

Да, именно так в детских сердцах и рождается приключение, способное навсегда изменить жизни. И хвала всем добрым силам в мире, если это приключение завершается лишь разбитыми коленками, родительским выговором или замечаниями от учителей...

Но сейчас, замерев у окна и прильнув друг к другу, ребята не думали о неприятностях. Они вообще ни о чем не думали в ту минуту, кроме как о компактном трехколесном самокате у калитки. Вправду красивого темно-синего цвета (как и сказал Витька), поблескивающий лаком, вытянутый и обтекаемый, он был само совершенство.

– Ух ты, – только и вымолвил Димка, едва не выдавив стекло лбом.

– Вот это самокат... Больших денег стоит, – важно прошептала Настя, нависая над братом и тоже касаясь лицом прохладного окна. – Может, это и не к нам вовсе? Столько чести...

– Да, ты права, важный человек пожаловал, – согласился Витя, кивая. – Из Ратуши, не иначе.

Словно в ответ на его слова, единственная дверца самоката открылась, выпуская водителя, и дети разом охнули, зачарованные плавными движениями приехавшего. Но больше всего их впечатлило то, что его высокая фигура была полностью скрыта темно-серой хлямидой из мягкой струящейся ткани. Из-под необычной одежды не виднелись ни руки, ни носки ботинок, ни голова, спрятанная под широким капюшоном.

Аккуратно прикрыв дверцу самоката, долговязая фигура в плаще направилась к калитке.

– Нет, это точно к нам, – прошептал Витька.

И все трое, не сговариваясь, ринулись к выходу из комнаты.

На цыпочках, чтобы не скрипнули предательские половицы, они прокрались по коридору, достигнув лестницы чуть ли не ползком. Первым шел Димка, самый быстрый и юркий из всех. За ним кралась сестра, и замыкал шествие Виктор.

Распластавшись у перил лестницы так, чтобы не было видно снизу, дети замерли, боясь шелохнуться или вздохнуть. Ведь известно почти любому, сколь захватывающим, хоть и некрасивым делом является подслушивание разговоров, которые ведут взрослые...

Конечно, все трое знали, что им крепко попадет от отца, если тот заметит. Но победа над жгучим любопытством казалась невыполнимой задачей. А потому они разрывались на части от страха и волнения, ожидая увидеть того, кто сейчас войдет через парадный вход. Каково же было удивление близнецов, когда они услышали, как не громко, но отчетливо стукнула задняя

дверь. Да-да, та самая, через которую они каждое утро выходили в сад на зарядку. Но самым любопытным стало то, что вслед за этим стуком в доме наступила полная тишина, не нарушаемая ни звуком шагов, ни разговорами. А это в свою очередь означало, что не гость вошел к ним в дом, а Петр Петрович лично вышел, чтобы встретить того во внутреннем дворе.

Переглянувшись, Димка и Настя уставились на Виктора, словно ожидая от него принятия ответственного решения.

– Идите за мной, только тихо! – сурово прошептал Витя, уже это решение принявший.

Теперь, когда утренний визит важного чиновника стал еще более интригующим, они никак не имели права отказать себе в любопытстве. Даже если для этого придется опоздать на специальный многоместный самокат и потом добираться до школы пешком через весь поселок.

Осторожно переступая по ступенькам босыми ногами, дети спустились в холл первого этажа. Пригибаясь, чтобы их случайно не заметили снаружи через окно кухни, прокрались к задней двери, выглядывая из-за шкафа. Зеленые полупрозрачные занавески частично мешали обзору, но сквозь них все равно было видно Петра Петровича и странного гостя в сером плаще.

Отец сидел на лавке возле стола, на котором семья иногда обедала по выходным, а его необычный гость стоял рядом. Было видно, что ведется беседа – человек в плаще кивал головой, а Петр Петрович время от времени что-то отвечал ему.

– Эх, приоткрыть бы дверь, – возмущенно прошептал Димка, глядя на беззвучно шевелящиеся губы отца.

– Из родительской спальни будет слышно, если окно распахнуть, – сокрушенно покачал головой Виктор, – но тогда мама проснется...

– Я, дело ясное, ничего такого не хочу сказать... – Настя вдруг потащила мальчиков за шкаф, разворачивая обоих к себе лицом. – Но если мы застрянем тут еще хоть ненадолго, точно опоздаем на уроки.

– Ой, Настюха, – Димка скривился, будто проглотил что-то кислое, – ну сколько можно твоих поучений?..

– Тсс, – вдруг повторил Витя второй раз за утро, и начавшийся спор был мгновенно прекращен. Забыв о школе, Настя и Дима вновь прильнули к занавеске. – Смотрите, они куда-то собрались...

И правда, Петр Петрович неспешно вставал, отряхивая штанину и поднимая с лавки ярко-красную куртку механика. Незнакомец в плаще, словно решив не дожидаться его, направился к калитке.

– Куда это они? – Настя, казалось, теперь была взволнована не на шутку. – И маме ничего не сказали...

– Спорить готов, что не в цеха механиков, – азартно выпалил Димка. – Не стал бы начальник к папке приезжать, если бы потом ему все равно на работу! Эх, жалко, сейчас в самокат сядут, и не узнаем, куда поехали...

– Не сядут, – спокойно покачал головой Виктор, отодвигаясь от окна и наблюдая, как отец неторопливо направляется к выходу со двора. – Самокат одноместный, частный. Если куда-то вместе пойдут, то только пешком...

Все трое загадочно переглянулись, думая об одном и том же. Словно заговорщики, они стояли за шкафом на своей небольшой, но удобной кухне, а в воздухе между ними зрело что-то интересное, хотя и не совсем соответствующее правилам хорошего поведения.

– В школу точно опоздаем, – наконец озвучила общие мысли сестра. – Влетит. Все знают, что это против устава – прогулять можно только по болезни или если записка от родителей есть.

– А мы соврем, – беспечно ответил ей Димка, продолжающий мельком поглядывать в окно. – Давайте быстрее что-то решать! А то уйдут, и все зря...

– Давайте, – совершенно серьезно кивнул Виктор, потирая переносицу. – Идем за ними, если никто не против. Узнаем, что за шишка пожаловала, вдруг увидим что-то интересное...

– Или секретное! – не удержался Дима, чуть не подпрыгнув на месте.

– Может быть, – спокойно согласился его брат, – но потом сразу в школу. Там придумаем что-нибудь, беру на себя...

– Витька, ну ты-то куда? – Демонстративно нахмурившись, Настя попробовала спорить, хотя глаза ее горели предвкушением, выдавая истинные чувства. – Ну ладно, Димка – он шалопай. Но ты-то как можешь о прогулах думать? Правила поселка, да и все законы Спасгорода предписывают...

– Я сильно сомневаюсь, что папа отправился на работу. – Расцветая своей мягкой, обезоруживающей, но в то же время победоносной улыбкой, Витька посмотрел на сестру. – А это значит, что правила хоть иногда, но можно нарушать, разве нет?

– А вдруг поймают? – не унималась сестра.

– Сошлемся на папку, он не выдаст, – радостно подхватил Димка, теперь понимая, куда клонит брат. – Здорово придумал, Витька! Бежим!

Второй раз просить не пришлось никого.

Толкаясь и хихикая, все трое рванулись в коридор, торопливо застегивая липучие замки высоких удобных ботинок, входивших в состав школьной формы.

Наспех обувшись и похватав с вешалки черно-желтые куртки, выскочили в дверь. Да-да, выскочили, даже не заперев ее на замок, потому что в Спасгороде это было не принято. Жуликов в добропорядочных районах не водилось, проспекты патрулировала служба урядников, правила этикета и поведения соблюдались горожанами неукоснительно, а потому задвижки, защелки и замки в городе использовались крайне редко.

Итак, они выскочили из своего милого двухэтажного дома, обнесенного невысоким бело-снежным заборчиком. Витя, как обычно, медлил, прыгая на одной ноге и пытаясь заправить в ботинок непослушную липучку, и Димке пришлось сбавить скорость, придерживая брата за локоть. Именно поэтому первой у калитки оказалась сестра, недовольно зашипевшая на отставших:

– Быстрее, копуши! Они уже добрались до поворота!

И девочка выскочила на улицу, зачарованно глядя на блестящий обтекаемый самокат, стоявший в двух шагах от забора.

– Красота какая! – Димка лихо присвистнул, чем вызвал у брата очередной приступ белой зависти – сколько Виктор не пытался, он никак не мог научиться так здорово свистеть. – Вот это тачка! Мне бы такую!

– Шикарный самокат. – Витя робко, словно боялся удара током, провел пальцем по лакированному темно-синему боку. – Как у Смотрителей.

– С чего это ты взял? – недоверчиво осведомилась Настя.

Она была слегка раздосадована заминкой. А еще тем, что мальчишки знают о самодвижущейся технике чуть больше ее.

– А ты на номер посмотри, – рассудительно предложил Дмитрий, обходя самокат сзади.

Блестящий номерной знак на самом деле оказался необычным: «ГС-0002». Коротким, легко запоминающимся. Таких в поселковой Ратуше и впрямь не водилось, даже у самых-самых главных чиновников.

– И что Смотрителю делать у нас дома? – Интуитивно ощущая, что братья оказались правы, спорщица все равно недоверчиво хмыкнула, не спеша так вот сразу с этим мириться. – Сами-то верите в такое?

– Как знать, как знать... – пробормотал Витька, с восхищением изучая изгибы транспортного средства. – Папка-то в поселке не последний человек...

– Ну вы идете, или мне одной? – Теперь Настя почти сердилась, уперев руки в бока. – Так мы и школу прогуляем, и за дядькой этим не проследим!

С явным сожалением отвернувшись от новенькой самодвижущейся машины, на которой прикатил таинственный гость, мальчишки со всех ног припустили по улице, наконец-то хоть в чем-то обогнав сестру.

Упругие подошвы ботинок сочно шлепали по резино-асфальтовому покрытию, каким на жилых полянах Спасгорода застилала тротуары и проезжую часть. Редкие поселчане по одному или небольшими группами шли к пассажирским Лифтам, доставлявшим людей на рабочие поляны. Домохозяйки вывешивали сушиться белье. На троих детей, бегущих по улице поселка, никто не обращал внимания – по виду они всего лишь опаздывали на школьный транспорт.

Отец и его гость действительно почти добрались до поворота на центральную улицу. Именно оттуда дорога вела к пассажирской станции, нескольким шахтам грузовых Лифтов, а также красивому искусственному водоему, вокруг которого по вечерам любили гулять молодые мамы с колясками. Рассказывали, что там, в зеленоватой и чуть мутной воде, если долго всматриваться в нее с мостика, можно было заметить последних механизированных карпов, скрывающихся в глубине.

Стараясь держаться чуть поодаль, но не выпускать отца и незнакомца из поля зрения, дети сбавили шаг. Теперь они укрывались в тени домов на правой стороне улицы. И тут произошло странное. Вместо того чтобы направиться в центр поселка, где располагалась Рагуша или, в конце концов, Лифты Высокого класса, Петр Петрович и его спутник свернули влево. В совершенно противоположную сторону.

Ребята застыли на месте, тревожно переглядываясь.

– Если взрослые поймут нас на окраине, – Настя насупилась, – уже не сможем соврать, что спешили на остановку...

– Ничего, я тропки знаю, – с видом покровителя слабых улыбнулся Димка. – Там есть целый квартал домов. Пустующих, незаселенных. Их для новых специалистов резервируют. Между этими домами можно до самого Пустыря добраться!

– Не знаю... – протянула сестра, но тут в разговор вмешался Виктор, совершенно серьезно глядя на девочку.

– Настюха, ну посуди сама. Мы сбежали из дома, чтобы проследить за папой и его товарищем. Уже опоздали в школу, ничего не сказали маме. Разве можно в такой ситуации останавливаться на полдороге? – Он улыбнулся сестре. – Все равно же влетит...

На самом деле, если бы Настя в этот момент решила вернуться, братья послушались бы ее. Когда они делились идеями или предложениями, каждый имел право равноценного голоса. Но если сестра вдруг решала прекратить игру или какую-то шалость, споров не возникало почти никогда.

На этот раз Настя ничего не возразила.

– Ладно, идем! – улыбнулась она в ответ. – Веди, Димка!

И они свернули следом за отцом. Почти сразу же свернули еще раз, пригибаясь и ныряя между заборами компактных домиков механизаторского поселка, и принялись пробираться меж палисадами.

Время от времени один из троих поднимал голову, чтобы убедиться, что отец и его спутник никуда не подевались из виду, и продолжали движение. Здесь, между домами, как и на тротуаре, дорожки были покрыты вспененным асфальтом, что так приятно шуршит под колесами велосипеда, но кое-где встречались лужайки, засыпанные черными искусственными камнями. Камни эти привозили на поляну из Плавильни, где таких отходов производства образовывались настоящие горы.

– Смотрите, они вправду идут на Пустырь... – охнул Димка, вытягивая вперед руку, а другой вцепляясь в край ближайшего забора.

Остальные, задержав дыхание, проследили за его пальцем, одновременно и совсем не радостно вздохнув. По большому счету, Пустырь не представлял из себя ничего страшного – обыкновенный пустырь, заставленный только на слом годными ящиками или бочками да отработанными металлоконструкциями, до которых не доходили руки уборочной службы. Да, тут не было красивых антрацитовых камешков, устилавших лужайки, веселеньких искусственных цветов или ровного покрытия дороги, а из-под растрескавшегося асфальта виднелся ржавый железный пол поляны. Но в остальном это был всего лишь пустырь, хотя все дети поселка предпочитали именовать его только с большой буквы – Пустырь. Он своеобразным кольцом опоясывал Заботинск, по слухам оставаясь неизменным почти на каждом ярусе Спасгорода – селиться или возводить рабочие постройки вплотную к внешним стенам города по старинной традиции не решался никто.

Этому, конечно, существовало объяснение, ведь в них располагались масса технических и грузовых Лифтов, противокатастрофные системы, генераторы облаков, призмы Светоча и куча других полезных штук. И даже дети понимали, что тебе нечего делать у стен, если ты не специалист... Или не Смотритель, что подтверждало мальчишечью версию с номером самоката.

От произведенного открытия Димка разволновался так сильно, что схватил брата и сестру за руки. Промычал что-то торжественное, словно напевал гимн. И потащил Витьку и Настю за собой, пригибаясь и прячась за прогнившими коробками.

Пожалуй, если бы Петр Петрович захотел проверить, не следят ли за ними, он бы наверняка заметил своих непосед, и тогда серьезного наказания было бы не избежать. Но ни он, ни его высокий спутник в плаще с капюшоном ни разу не обернулись, а потому дети продолжали буквально наступать им на пятки, так и оставаясь не обнаруженными. Достигнув внешней стены Спасгорода, Петр Петрович и высокий человек в сером остановились перед множеством дверей, большая часть которых вела в подсобные, технические и хозяйственные помещения, куда имели доступ лишь горожане особых профессий.

Тут и произошло еще одно удивительное событие, заставившее детей задержать дыхание – ненадолго склонившись над электронным замком, человек в плаще неожиданно отворил одну из таких дверей.

Притаившись за железным ящиком в каких-то десяти шагах от своего отца, дети вновь переглянулись, будто хотели обменяться тревожными мыслями. Происходящее этим утром настолько не укладывалось в привычный образ жизни поселка механиков, было не похоже на поведение папы и казалось столь кощунственным и нарушающим правила проживания, что они не знали, что и подумать...

Дверь тем временем открылась, скользнув в сторону на специальных шарнирах и практически слившись с темной железной стеной. А за ней...

Ни Настя, ни Витя, ни Дима еще ни разу не видели воочию такой красоты – внутри огромной овальной комнаты, имевшей даже собственный балкон с пышным и удобным диваном, царил блеск и роскошь, каких не бывает на свете. Хрустальные светильники (почти как в Ратуше поселка, только не такие здоровенные) висели по стенам, наполняя помещение ласковым светом. Мебель оказалась старинной, это угадывалось сразу, причем выполненной из самого качественного искусственного дерева, какое только можно вообразить. Стулья, диваны и кресла были обиты мягкой бежевой материей, одного вида которой хватало, чтобы захотеть присесть на них и отдохнуть.

– Пожалуй, нам стоит вернуться... – неуверенно прошептала Настя, не отрываясь от изучения великолепия тайной комнаты.

– Не знаю, что тут происходит, но склонен согласиться, – важно кивнул Витька, но и в глазах мальчика сейчас блеснул восторг.

Петр Петрович и его спутник вошли в комнату, причем отец не демонстрировал никакого восхищения увиденным, словно уже не раз бывал в этом странном и красивом месте. Не задерживаясь ни у резных стульев, ни у блистательных светильников, взрослые пересекли комнату, по белоснежной винтовой лестнице поднимаясь на балкон.

– Давайте подождем, пока нас не будет видно, и... – решительно подытожила Настя, но тут Димка во второй раз схватил брата и сестру за желтые рукава школьных курток.

– Только тихо! – азартно зашипел он, бросаясь вперед и увлекая за собой остальных.

Не успели они опомниться, как тут же оказались прямо на пороге удивительной комнаты, в которой, должно быть, раньше проживали цари или князья Спасгорода. А потом они опять не успели опомниться, как Димка уже тащил их дальше – внутрь, заставляя пригнуться за громадным бежевым диваном. И в третий раз они не успели перевести дух, а уже находились под балконом, откуда взрослым их было ни капельки не видно. Теперь наши герои прятались за красивым широким комодом, в котором стояла посуда и высокие узкие бутылки.

– Димка, дурак, да ты спятил! – яростно зашептала на брата Настя, но Витька и Димка разом так больно ущипнули ее, что она предпочла немедленно замолчать, обиженно потирая больное плечо.

В этот момент страх быть обнаруженными оказался так велик, что ничто другое с ним не могло и сравниться, но взрослые, находящиеся прямо над их головой, ничего не заметили. И дети, сидевшие тихо-тихо, теперь могли слышать разговор, не прекращавшийся все это время.

– Именно поэтому Конклав Гильдии принял решение перепрограммировать его. – Незнакомый низкий голос определенно принадлежал мужчине в плаще.

– Карл, вы не подумайте дурного, но я хочу еще раз повторить свою позицию – вы и правда могли привлечь кого-то из своих *личных* специалистов по утилизации, – ответил ему Петр Петрович, и дети сразу догадались, что их отец чем-то разозлен. – Явившись в мой дом без предупреждения, вы подвергаете угрозе не только свое дело, но и моих родных.

Пахло свежим кондиционированным воздухом, чуть запыленной обивкой кресел, а также чем-то пряным, довольно приятным. Все эти ароматы подсказывали, что на балконе находится некое подобие кухни.

– Не переживайте, Петр, об утилизации речь не идет, – продолжал все тем же спокойным и гипнотизирующим голосом человек, которого называли Карлом. Следом дети услышали, как льется в стаканы вода (а может, что-то еще). – Вы же сами сказали, что супруга спит до обеда, а сыновья и дочь ушли в школу? Правила, знаете ли, удобная штука, если ими грамотно пользоваться.

– Мне сделают замечание на работе...

– Не сделают. Я позабочусь.

Выслушав этот странный диалог, дети переглянулись между собой. И если бы сейчас могли разговаривать, не опасаясь быть обнаруженными, то сказали бы друг другу только одно. Все это слишком уж мрачно, неприятно и далеко зашло – вот что они сказали бы друг другу. А еще поделились бы впечатлениями от мурашек, покрывших их спины.

Витька, почти всегда соображавший быстрее других, наконец придумал, как они смогут общаться – развернув брата и сестру лицами к себе, он начал объяснять на пальцах.

– Сейчас мы медленно прокрадемся к выходу, – торопливо говорили его жесты, – выскользнем наружу и побежим к поселку. А потом, если все обойдется, мы с Настюхой устроим тебе, Димка, самую настоящую взбучку!

Однако даже самые блестящие планы имеют обыкновение рушиться. И произошедшее далее как раз подтвердило этот факт. Потому что в этот самый момент случилось событие, перечеркнувшее хороший (и, нужно заметить, благоразумный) план Виктора – шикарная ком-

ната вздрогнула, словно бы целиком покачнувшись, светильники забренчали стеклянными подвесками, а широкая металлическая дверь с лязгом отделилась от стены.

Настя захотела было испуганно пискнуть, но Димка успел вовремя зажать сестре рот ладонью. Обомлев от ужаса, дети наблюдали, как плавно закрывается проход, отрезая их от поселка механиков за Пустырем.

– Я бы на вашем месте присел, Петр, – услышали они голос Карла, а затем комнату снова качнуло, и воздух наполнило гудение мощного двигателя.

Разумеется, они сразу поняли, что происходит – это ощущение было знакомо любому жителю Спасгорода от мала до велика, – комната начала опускаться вниз по шахте. Медленно, но набирая скорость, под ровный гул моторов она ползла вниз, и теперь страх охватил всех троих детей.

– Это что, Лифт? – пользуясь гулом, заглушавшим его шепот, первым заговорил Витя. Он побледнел, разом осунулся, а в его голубых глазах промелькнула тревога. – Как это мог оказаться Лифт?

– Они даже не поприветствовали его! – вторила брату Настя, и под ее ресничками сверкнуло что-то хрустальное. – Не провели необходимого по протоколу разговора... Да он даже не заметил нашего присутствия! – удрученно выдавила она, со всхлипом втягивая воздух. – Этого не может быть...

– Тише вы! – фыркнул на них Димка, выглядывая из-за края мебели и пытаясь угадать, где сейчас находятся взрослые. – Не бойтесь ничего...

– Ты что, Димка, не понял? – Витя сел на пол, прислоняясь спиной к боковой стенке комода. – Это же Лифт! Только странный какой-то, но Лифт. Да я бы в жизни в него без протокола не вошел...

– И я, – пискнула Настя, вот-вот готовая разреветься. Она теребила завязки на форменной куртке, а это говорило о том, что у нее очень, очень плохое настроение. – Что же теперь будет?

– Ничего не будет, – огрызнулся Дима.

Было видно, что он тоже напуган. Но, как и всегда, их брат старался скрыть страх за решительностью и напором.

– Если не узнают, что мы тут побывали, ничего не будет. А поэтому сидите тихо и не ревите. Спустимся вместе со взрослыми, с ними же и поднимемся. Если все сделаем правильно, никто не заметит...

– А если нас в Лифте забудут? – утирая глаз рукавом, спросила сестра. – Нас никогда не найдут. Кто знает, вдруг этим Лифтом лет сто никто не пользовался?

– Не дури, – совершенно по-взрослому одернул ее Димка, сосредоточенно потирая щеку и разом испачкав ее пылью. – Сразу видно, что им пользуются. И никто нас тут не забудет. Как вообще можно в Лифте кого-то забыть?..

– В мертвом – можно, – тихонечко вставил Витя, прислушиваясь к гулу мотора.

– Ох, сказочник, – отмахнулся его брат, прижимая к себе мелко подрагивающую сестру. – Ты еще Оживших Птиц вспомни... Все, тихо сидите, я сказал! Да не реви ты, все обойдется. А если найдут – всю вину на себя возьму, так что не переживайте.

– Вовсе это и не сказки, – покачал головой Витька, расстегивая куртку и усаживаясь поудобнее. – Ты где-нибудь видел Лифты, которые не разговаривают и прячутся в стенах, словно жулики?

На это брат уже ничего ему не ответил, потому что не знал, что именно сказать. Конечно, никто из них не то чтобы не видел, но даже не слышал о таких Лифтах – либо очень важных и самовлюбленных, либо больных, либо чересчур секретных. И вот сейчас, совершенно того не желая, они вдруг оказались прямо в кабине одного из них.

А Лифт все это время продолжал и продолжал свой размеренный спуск, гудя двигателями, изредка моргая светильниками и чуть заметно вздрагивая. Разговор взрослых, продолжавшийся на балконе, теперь вновь стал неслышен.

Именно в этот момент трое детей вдруг почувствовали себя очень-очень одинокими. Даже несмотря на то, что их любимый и любящий отец находился от них в нескольких шагах. Обняв друг друга, наши герои молча вслушивались в гул двигателей, совершенно не представляя, куда везет их этот странный-странный Лифт Высокого класса.

Они не знали, сколько продолжался спуск, потому что никто из них пока не заслужил на школьной практике личного прибора для измерения времени. Но одно близнецы могли сказать точно – это был очень и очень долгий спуск, самое длинное путешествие из всех, что им когда-то приходилось проделать на Лифте. Даже когда они во время родительского отпуска отправлялись с отцом на Летнюю Ярмарку, Снежные Склоны или на Жаркий Пляж, находившиеся гораздо выше их поселка, дорога не была такой бесконечной.

Через какое-то время в кабине, больше похожей на комнату дворца, стало отчетливо пахнуть железом, сыростью и чем-то весьма неприятным, как на мусорной свалке. Еще через какое-то время температура понизилась сразу на несколько градусов, и дети застегнули куртки, плотнее сбившись в кучку. Гудение моторов становилось то громче, то тише, но один раз кабину весьма сильно качнуло (мелодично зазвенели подвески в светильниках), будто Лифт миновал какое-то препятствие.

Потом Настя, уставшая переживать и бояться, даже задремала на плече Виктора. А следом прикорнул и сам Витя. Когда сон вдруг начал сманивать в свои мягкие объятия и стоящего на страже (на самом деле он, конечно же, сидел за комодом вместе со всеми) Димку, кабина вдруг замедлила ход.

– Проснитесь! – Дмитрий растолкал уснувших, на всякий случай прикладывая палец к губам, как это обычно делал его брат. – Мы останавливаемся.

Больше говорить они не могли – шум двигателей затухал, и только было слышно, как скрипят плохо смазанные тормозные установки Лифта. Скрип этот продолжался еще какое-то время (бесспорно, не так долго, как сама поездка), а потом утих и он.

– Идемте, Петр!

Властный голос Карла вдруг раздался так близко от комода, за которым прятались братья и сестра, что все трое невольно вздрогнули. А Димка опять зажал рот приготовившейся вскрикнуть Насте.

– Чем быстрее мы начнем, тем быстрее вы вернетесь к привычной жизни...

– И все равно не могу взять в толк, зачем я вам? Простите за дерзость, но неужели Дрейфус уже не справляется с возложенными на него Гильдией обязанностями? – с ощутимыми нотками недовольства и страха спросил Петр Петрович.

– Александр Дрейфус? – усмехнулся в ответ хозяин красивого самоката, наверняка изгибая бровь. – В настоящее время Конклав не в состоянии привлечь его к работе... Возникли, так сказать, определенные трудности, но вас они не касаются. Или вы хотите выразить официальный протест?

– Нет, не хочу, – разобрали дети негромкий и покорный ответ отца.

Затем они услышали, как тот спускается по винтовой лестнице.

Со щелчком и лязгом открылась входная дверь, отползая в сторону, и в красивую комнату ворвался холодный злой ветер, какой никогда не позволит себе Поток-ЗВИ-4, даже если его попросят заморозить лед.

Дрожа от страха и волнения, дети украдкой выглянули из укрытия ровно в тот момент, когда их отец и человек по имени Карл выходили наружу.

– Идемте же, Петр, для волнения нет повода – двери автоматически закроются через две минуты...

И они удалились в странный густой полумрак, царящий за пределами необычного молчаливого Лифта.

– Уф, – выдохнул Димка, вставая и разминая затекшие ноги. – Ну, теперь осталось только дожидаться возвращения. Поднимемся обратно и выскользнем вон...

– Ну уж нет! – Витька вскочил настолько решительно, что Настя чуть не шарахнулась от брата. – Я в спящем Лифте не останусь ни за какие коврижки!

– Ты чего, балбес, наружу захотел? – Димка опасался даже поворачиваться в сторону открытой двери. – Мы даже не знаем, какая это поляна! А если кто поймает? Как объяснять будешь?

– Я придумаю что-нибудь. – Витя решительно направился к дверям. – Но тут не останусь точно. Когда папа вернется, прошмыгну обратно. Ты вообще слышал, что спящие Лифты делают с оставшимися в них людьми? Особенно такие... *странные*, как этот...

Он поежился, причем и от холода, и от мрачности момента.

Настя, последней из троих поднявшаяся на ноги, сделала шаг к выходу, все еще теребя завязки.

– Я тоже не хочу оставаться, – неуверенно проговорила она. – А вдруг после закрытия тут свет погаснет? В темноте сидеть? Ну уж нет... А если системы жизнеобеспечения тоже в спящий режим уходят? Я с Витькой...

– Да вы с ума сошли оба. – Димка нахмурился, но предпочел сделать шаг вперед. – Мы же понятия не имеем, что снаружи! А тут хоть и странный, но Лифт – им люди испокон веков доверяют!

– Ты как знаешь, но я выхожу, – отрезал Витька, в этот момент став очень похож на папу, когда тот сердился или был чем-то расстроен.

– Я тоже, – кивнула Настя, на этот раз более уверенно.

– Ну и идите. – Выпятив нижнюю губу, Димка скрестил руки на груди. – Когда обратно попроситесь, я не уверен, что смогу найти планшет управления, чтобы заставить его...

Едва он произнес полные скрытой угрозы слова, дверь звонко щелкнула, принявшись закрываться. Светильники на стенах моргнули, будто приготовившись погаснуть.

– Настена, бежим! – Ухватив сестру за рукав, Витька бросился к двери, чья щель начала медленно, но уверенно сжиматься.

– Стойте, я с вами! – Не удержавшись, Димка прыгнул следом.

И когда ущелье дверного проема стало маленьким настолько, что в него точно не пролез бы взрослый, дети стремительно перебежали овальную комнату, один за другим выскочив из засыпающей кабины.

За их спинами, с шипением герметизируясь, Лифт плотно запечатал дверь, замаскированную под неприметный кусок внешней стены.

Глава 2, в которой запускается неповоротливый маятник судьбы, а кое-кто вынужден спасаться бегством

Сложно описать ужас, охвативший ребят в тот миг, когда железная плита отсекла их от овальной комнаты, больше похожей на дворец. Прижавшись спинами к двери, они взялись за руки и осмотрелись, не решаясь сделать ни шагу.

Поляна, на которую их привез странный Лифт, не соблюдавший протоколов Спасгорода, была не похожа ни на одну из виденных ими за всю их жизнь, в том числе на картинках в учебниках. Она не напоминала ни Лесные Чащи, где можно было погулять среди синтетических деревьев, ни Звонкие Каскады, где воздух был влажен и полон брызг. Это было не похоже даже на цеха, занимавшие большинство рабочих полян города. Место, куда их привело неумное любопытство, казалось жутким и грязным подвалом...

Потолок тут был вдвое ниже, чем на Заботинске. Никаких облаков или яркого желтого потока, что рождал Светоч, не присутствовало и в помине – все необъятное пространство заполнял серый пыльный полумрак, какой может царить в погребе, если туда упадет случайный отсвет фонаря. Вместо десятков привычных Лифтовых шахт, в должном порядке убежавших в потолок поляны, все пространство занимали четыре необъятные туши незнакомых машин, поднимающихся вверх на много метров и почти подпиравших крышу. В диаметре странные титанические приспособления были настолько огромны, что с легкостью могли бы накрыть собой поселок механиков, если бы в этом вдруг возникла необходимость.

Это были зловещие и угрюмые механизмы, работающие в неспешном и даже замедленном режиме. Там, где огромные шестеренки на время образовывали просвет, позволяя заглянуть в недра агрегатов, наружу выбивалось болезненное зеленоватое свечение. Здоровенные железные обода, каждый из которых имел толщину в два человеческих роста, сковывали котлы механизмов, не давая обитавшей в них силе вырваться на свободу. Время от времени давление достигало критического уровня, и тогда на поверхности то одного, то другого великана открывались специальные клапаны. В этот момент, наполняя странную и пугающую поляну Спасгорода пронзительным визгом, вверх выстреливали горячие дымящиеся струи. Именно из-за них здесь царил влажный, застоявшийся воздух, от которого хотелось кашлять.

Стены и потолок, почти неразличимые в тусклом свечении великанских механизмов, покрывали потеки ржавчины и мерцающая плесень, которую дети до сих пор видели лишь в учебных фильмах по биологии. Все остальное пространство между чудовищными установками занимали пульта и станки меньшего размера. Они были повсюду, образовывая целые улицы, по размеру не отличавшиеся от проспектов Заботинска. Приборы трещали и шелкали, подмигивали лампами и клацали реле. Одни из них казались не использовавшимися уже долгое время, другие лоснились свежей смазкой.

Теперь и вы можете в полной мере испытать страх и удивление, охватившие наших героев, наконец разглядевших, куда же именно они попали.

– Мамочка, – простонала Настя, до боли сжимая в своей ладошке руку Димки. – Где же мы?

– Не знаю, Настя, – честно сознался Витька, по привычке говорящий шепотом. – Честное слово, даже не представляю...

– Может быть, мы уехали за пределы Спасгорода? – осторожно поинтересовался стоящий посередине Димка, и тут же смущенно умолк, устыдившись нелепости вопроса.

– Не говори глупостей, – стараясь рассуждать хладнокровно, поправил его брат. – Всем известно, что за пределами города ничего нет. Только опасность. Ни один Лифт, даже самый

безумный, никогда не повезет человека туда... Особенно, – добавил он уже с большей уверенностью, – нашего папу.

– А куда он пошел? – вдруг вздрогнула Настя. – Я не вижу ни его, ни странного человека по имени Карл...

Дети осмотрелись: вправо и влево от скрытного Лифта уходили ряды совершенно одинаковых приборов и незнакомых станков.

– Не знаю точно, но нам за ним лучше не соваться, – убежденно прошептал Витя, – это место нагоняет на меня ужас...

– И на меня, – кивнула сестра.

И только Димка ничего не сказал, потому что в любой ситуации он пытался казаться храбрым.

– Нужно спрятаться, – разглядывая огромные, пышущие паром резервуары, к тому же мерцающие зеленым светом, он наконец-то отлепился от прохладной стены, не заметив, что ржавчина испачкала черно-желтую куртку. – Давайте укроемся вон за теми станками. Когда папа вернется, мы успеем быстро-быстро заскочить в Лифт.

– А если в этот раз они не пойдут на балкон? – неожиданно спохватилась Настя. – Нас же заметят...

– Признаюсь, это будет лучше, чем если мы случайно останемся, а Лифт уйдет к Заботинску без нас. – Голос Виктора был слаб, словно на школьном экзамене, который он не совсем прилежно выучил. – Хотя попробовать спрятаться, конечно, можно... Если на балконе находится пульт управления протоколами Лифта, им придется подняться...

– Тогда пошли, – подвел итог Дима, и все трое двинулись вперед по широкому коридору, образованному загадочными приборами.

Запах, пронизывающий воздух, стал еще более навязчив, и дети почти физически ощущали, как он оседает на их одежде, чтобы прилепиться навеки. Безграничная поляна, давящая низкими сводами, была заполнена странными, пугающими звуками – что-то шипело и свистело, где-то лязгала железяка, скрипел металлизированной резиной горизонтальный транспортер-эскалатор.

Стараясь не перепачкаться в машинном масле, стекавшем с рычагов и открытых деталей, они притаились в густой тени массивного прибора. Многочисленные лампы аппарата были погашены, все тумблеры переведены в положение «ВЫКЛ.».

– А если его до самого вечера не будет? – вдруг подала голос Настя, чем немало напугала сидящих в тишине братьев. – Или он на другом Лифте поднимется, на нормальном?

– Тьфу на тебя! – Но против собственного желания Димка все же нахмурился. – Не зови беду, дуреха, а то хуже будет...

– Тише, – вдруг прошептал Витя, и у детей заледенела кровь.

В третий раз за это (теперь ставшее весьма необычным, не правда ли?) утро он призывал их к тишине, и теперь в этом не было ничего забавного или интригующего. Прижавшись к брату всем телом, Настя подавленно всхлипнула, а Димка стал настороженно озираться. Его ноздри раздувались, а пальцы сжались в кулаки, как всегда бывало, когда на школьном дворе он намеревался проучить кого-то из старшеклассников за обидное прозвище или подножку.

– Кто-то идет, – снова прошептал Витя.

Он еще ниже пригнулся в тени и не заметил, как на плечо упала капля темного машинного масла, расплываясь неприличной кляксой.

– Папа? – жалобно и тихо спросила Настя, поворачивая голову. – Уже вернулся? Как здорово! А может быть, сразу выйти и признаться? Говорят, признание облегчает вину... Хоть не так страшно будет...

– Глупости какие. Никаких признаний, – вперед брата успел ответить Димка. – Да и вовсе тут не страшно. Как в цехе, только странном и слишком большом...

– Нет, это не папа, – наконец смог вставить и Виктор, и эти слова холодным ветром взъерошили их светлые волосы. – Потому что папа ушел налево вдоль стены, то есть в ту сторону. А шаги я сейчас слышу вон оттуда.

И он медленно повернулся, указывая пальцем в глубь поляны, прямо между двумя здоровенными установками неизвестного назначения. Да-да, совершенно верно, в мрачную глубину этого низкого яруса Спасгорода, наполненного клубами пара, провонявшего пылью и синтетической смазкой.

А затем чьи-то шаги среди шипения резервуаров, лязга и грохота различили и Димка с Настей. Торопливые шаги сразу нескольких человек, частые и звонкие, будто обувь была подкована железками. Но самое пугающее состояло в том, что перестук этот раздавался совсем рядом, едва ли не в ближайших облаках пара, скрывавших соседний переулочек с приборами.

И тут (почти одновременно) произошло сразу два события. Сперва из клубов влажного тумана появились пять коренастых фигур, облаченных в грубые брезентовые комбинезоны, такие же шапки и сварочные очки с черными стеклами. А потом Настя так громко завопила от ужаса, что разом перекричала и свистки вырвавшегося под давлением пара, и лязг железа, и стрекотание шестеренок.

Но вы не должны думать, что она кричала, потому что была девчонкой (или даже трусливой девчонкой). На самом деле она была очень храброй, с юных лет воспитанная быть сильной, как все девочки Спасгорода. Просто иногда люди кричат не только от страха или переживаний, иногда они кричат от неожиданности...

Вот и Настя сейчас закричала именно от неожиданности, причем очень-очень громко. И вы знаете, многие на ее месте поступили бы так же – потому что пять фигур, появившиеся из пепельного тумана, выглядели весьма необычно. И даже не потому, что были одеты в грубые комбинезоны и поблескивающие очки – дело в том, что они были не совсем людьми.

Если присмотреться, их головы были значительно больше обычных человеческих голов. Руки же, наоборот, оказались такими маленькими, что выглядели крохотными и беспомощными. Разумеется, при внимательном изучении можно было догадаться, что и эти слабенькие ручки смогут нажать на рычаг или держать инструменты. Но вот поднять бревно, например, они бы точно не смогли. А еще у существ в клубах пара была бледная, почти белая кожа, при этом отливавшая зеленоватым свечением, и эта деталь резко усиливала непохожесть на нормальных людей.

Настя все еще продолжала кричать на одной ноте, перекрывая шум диковинной фабрики на поляне с низким потолком, а пятеро нелюдей вдруг замерли. Сбившись в кучку, они о чем-то громко зашептались, тыча крохотными ручонками в девочку и ее братьев и от волнения подпрыгивая на месте.

Когда Настя все же замолчала (может быть, устала надрыватьсья), одно из необычных существ, одновременно напоминающих людей, но при этом весьма отличающихся от них, шагнуло к близнецам.

– Чужаки, – медленно сказал необычный человечек, и наши герои увидели, какие у него плохие, крайне гадкие зубы – желтые, расшатанные, сохранившиеся через один. – Стоять на месте.

Но дети, не сговариваясь меж собой, вдруг поняли, что делать этого нельзя ни в коем случае. Чувство опасности, которое принесли с собой из клубов пара эти человекоподобные уродцы, захлестнуло всех троих, и они выскочили из-за станка, бросившись наутек.

– Бежи-и-и-м! – только и успел крикнуть Димка, после чего они понеслись вперед.

Без оглядки, не разбирая дороги. Сворачивая в первые попадавшиеся проходы, не сбавляя скорости, но по-прежнему держась вместе, они бежали по гулкому металлическому полу. Их подошвы стучали, как стучали и сердца, от ужаса готовые выпрыгнуть из груди. Им было

очень страшно, потому что беглецы слышали, как, что-то неразборчиво прокричав, пятеро странных существ с маленькими ручками и большими головами бросились следом...

Конечно, наши герои занимались спортом – всегда быть здоровым и сильным являлось обязанностью любого жителя Спасгорода. А еще каждое утро (и даже по выходным дням) они делали зарядку и в свободное время нередко ходили играть в футбол. Но даже при этом оторваться от погони было очень и очень непросто.

Они бежали и бежали, жадно вдыхая влажный воздух, пропахший чем-то кислым и противным. Бежали и бежали, хватая друг друга за рукава курток, чтобы не пропустить нужный поворот, куда вдруг решались свернуть. На разговоры не было ни сил, ни желания, а потому отступлением командовал тот, кто вырывался вперед. Сначала Настя, потом ее неожиданно обогнал Витька, а затем и Дима. Оглядываясь на каждом повороте, он внимательно прислушивался к топоту ног за их спинами, после чего они бежали дальше.

Но никакой марафон не может продолжаться вечно – он должен закончиться либо финишем, либо потерей последних сил бегуна. И вот когда дети уже начали понимать, что силы на исходе, а Витя тихонько заскулил от натуги, шумно сопя носом, они перестали бежать...

– Сто-сто-стойте... – Судорожно глотая дурно пахнущий воздух, Димка остановился первым, наклоняясь и упирая руки в бедра. – Ка-ка-жется, оторвались...

Остальные, тревожно оглядываясь, пытались прислушаться, но мешал стучащий в ушах пульс. Мешали и громкие звуки, доносящиеся теперь со всех сторон – грохот прессов, ворчание моторов, лязг металла, шипение клапанов и стрекотание шестеренок, двигавших транспортные ленты.

– Сюда! – приказал Дима, словно во время этого пугающего бегства стал командиром их крохотного отряда. – Пригибайтесь и пролезайте, тут можно спрятаться.

Никто даже не подумал спорить, и дети полезли под здоровенный прибор, больше напоминавший старинный клавесин, который они когда-то видели на концерте по амбивизору. Под механизмом было грязно, пыльно, хватало ржавчины, но они и не думали жаловаться или капризничать – бегущая по их следам опасность была столь необычной, по-настоящему жуткой и близкой, что они забыли обо всем, кроме необходимости спастись.

Едва они забрались под станок, как из-за поворота появились преследователи. Быстро перебирая короткими толстыми ножками, те неслись прямо к ребятам, словно уже точно знали, где схоронились беглецы. Очки странных человечков блестели в зеленом свете, падавшем сверху. В слабеньких ручках раскачивались жутковатые приборы, похожие на машинки для прививок, как в школьной больнице. Они все приближались и приближались, пока наконец не остановились прямо напротив прибора, напоминавшего клавесин.

– Туда побежали, Паленый, точно тебе говорю! – протяжно прорычал один из пятерки преследователей. – Нутром чую, что туда!

– А я говорю, туда! – перебил его новый рычащий голос. – Вторым Реактором клянусь, туда!

Настя, едва не вскрикнувшая еще раз, зажала себе рот перепачканными ладонями. Разглядывая неудобные и грубые ботинки странных существ, находящихся ровно в двух шагах от лежащих под «клавесином» детей, Витька последовал примеру сестры. И только Димка молчал сам, упорно стиснув зубы и не желая поддаваться страху.

– Туда идем, быстрее, – наконец принял решение тот, кого назвали Паленым. – За мной, отребье, или пожалеете!

И когда троим беглецам уже стало казаться, что беды не избежать, а кто-то из страшных человечков вот-вот догадается заглянуть под станок, грубые ботинки с брезентовыми отворотами торопливо удалились.

Под агрегатом, куда затащил их Димка, было холодно и темно, да еще хотелось чихнуть, но дети не торопились покидать убежище. Вслушиваясь в звуки поляны, они все пытались

угадать, не ловушку ли устроили им хитрые существа с крохотными ручками, только сделав вид, что ушли.

Решение в конце концов опять досталось Диме.

– Выползаем, – убежденно прошептал он, – а то подхватим простуду или чего похуже...

И первым выскользнул из-под «клавесина», отряхивая свою, уже изрядно перепачканную, школьную куртку. Остальные выбрались следом, и первой весь ужас ситуации поняла сестра.

– Мамочка, где же мы? – прошептала она без сил, поднимая голову, и братья проследили за ее взглядом.

Нужно признать, положение действительно представлялось плачевным. Да-да, именно так – обычное, ничем не примечательное светлое утро вмиг стало по-настоящему жутким, теперь это понимали все. Даже отсюда, снизу, от подножий станков и приборов, было видно, насколько ощутимо дети сместились к центру поляны. Колоссальные установки, подпиравшие потолок, стали еще огромнее, нависая прямо над головами. Все трое могли разглядеть многочисленные веревочные и железные лестницы, украшающие железные бока, а также целую систему шатких подвесных мостков.

Петр Петрович однажды собрал такие мостки – он называл их «строительные леса», – чтобы покрасить их уютный двухэтажный дом. Но здесь их виднелись многие сотни – они окружали каждый из четырех резервуаров так плотно, что при желании по мосткам можно было обойти установку кругом.

Теперь вокруг великанских механизмов различались и аппараты попроще, но все равно крупные и незнакомые – они достигали в высоту два-три человеческих роста, плотными кольцами обступив резервуары, будто почетная стража.

– Как же мы найдем дорогу до того скрытного Лифта? – просипела Настя и снова прикрыла рот ладонью, словно приказывая себе ничего больше не говорить.

Братья подавленно молчали, озираясь и пытаясь обнаружить хоть какое-то различие улиц, образовывавших из станков и пультов настоящий лабиринт.

– Ну вот что... Слушайте меня. – Димка вздохнул шевелюру, как делал всегда на футболе, когда намеревался идти в прорыв. – Не паниковать, ясно! Это первое. Второе – сейчас мы попробуем вернуться к внешней стене и найти Лифт, понятно? Не так уж далеко мы убежали, согласны? Уверен, что за это время отец еще не закончил своих дел...

– Я согласен, – добавил Витя, тоже искренне желавший успокоить сестру. – Он все еще где-то на поляне, я точно знаю. А когда вернемся к Лифту, сразу дадим папке знать, что мы тут. Он защитит. Главное, мы вместе, а вместе нам ничего не страшно, вот увидишь... А пока будем возвращаться, старайтесь идти тише и держаться возможных лазеек – если что, сразу прячемся. Настенька, ты поняла?

Но сестра только кивнула, продолжая молча рассматривать возвышающиеся над ними резервуары и бесконечные ряды огромных, выше человека, установок. Казалось, они загипнотизировали девочку, и Димка недовольно дернул ее за подол куртки.

– Ты все поняла, Настюха? Мы справимся, вот увидишь. И запомни – если эти уродцы опять появятся, сразу прячься, ладно?

– Ладно, – шмыгнула носом она, попытавшись улыбнуться. – Главное, что мы вместе, так?

– Точно, – подтвердил Витя. – Знать бы еще, сколько таких страшил тут живет...

– Много, – вдруг подтвердил негромкий незнакомый голос, и дети от неожиданности подпрыгнули на месте. – Очень много. Больше, чем вам бы хотелось...

– Мама! – пронзительно закричал Витька, бросившись бежать, но от испуга поскользнулся на ровном месте и упал на бок.

Димка и Настя резко обернулись, отступая на пару шагов, и брат задвинул девочку за спину, поднимая кулаки. Захваченные врасплох, они приросли к полу, со смесью страха и любопытства разглядывая одинокую фигуру в соседнем проходе.

Бесспорно, это был один из них – невысоких крепких человечков со слабенькими руками и крупными головами. Но этот чем-то отличался от других, и дети, приглядевшись, смогли заметить разницу. Даже Витька, покрасневший от стыда и страха, торопливо вскочивший на ноги, теперь не пытался пуститься наутек, исподлобья глядя на незнакомца.

Тот был чуть выше, чем предыдущие пятеро, да и руки у него оказались не такие уж крохотные и скрюченные. Он также носил брезентовый комбинезон, но черные сварочные очки были сдвинуты на лоб, а не скрывали глаз. Лицо его еще не выглядело старым, но уже покрылось морщинами, глубокими и извилистыми. Цепко, внимательно осматривал он детей, не двигаясь с места.

– А теперь отвечайте, – негромко спросил он, шурясь, – что красивые и добропорядочные детишки делают на Реакторной Станции? Да в придачу совсем одни?

– Мы не одни, мы втроем, – перепуганно выдавила Настя, но тут же умолкла.

– Ха! Ладно, пусть так. Что *трое* детишек делают на Станции? Только правду отвечайте, я лгунов издалека чую... – продолжил уродец.

Но все трое насупленно молчали, не зная, как вести себя дальше. Этот житель неизвестной поляны, названной Реакторной Станцией, не пытался схватить их, в отличие от своих сородичей, да и вообще злобы не проявлял.

Словно устав выслушивать их молчание, тот вдруг тяжело вздохнул, шаркающей походкой направившись к «клавесину». Дети настороженно отодвинулись еще на два шага, но незнакомец лишь подошел к прибору, открывая планшет протоколов и щелкая тумблерами.

– Ну, не хотите, как хотите, – бросил он через плечо, увлеченный работой. – Но тогда и я вам не помогу, ясно?

– Кто вы? – внезапно осмелев, спросил Витька, и брат с сестрой зашикали на него, укоряя за безрассудный поступок.

Но незнакомец вдруг ответил, чем еще больше удивил детей:

– Можете называть меня Жадным... Все так зовут, привык уже.

– А почему Жадный? – спросила Настя, и Димка возмущенно ткнул ее в бок.

– Потому что чужое люблю, вот потому и Жадный, – со вздохом ответил человечек в брезентовом комбинезоне. – Может, теперь расскажете, как вас занесло на Станцию? Готов ручаться, детям тут не место... Хотя это вы, наверное, уже и сами поняли.

И он непонятно чему хохотнул, продолжая заглядывать в планшет и переключать рычажки. Братья и сестра удивленно переглядывались за его спиной, выразительным молчанием вопрошая друг у друга, понимает ли кто-то, что тут происходит. Однако ответ был очевиден – никто ничего не понимал.

– Мы заблудились, – наконец ответила Настя, не обращая внимания на Димкины тычки. – Отстали от папы и заблудились. Вы не подскажите, где мы и как отсюда выбраться?

– Выбраться? – Жадный снова хохотнул, коротко и гулко. – Так ведь со Станции, девочка, не выбирают. Потому и живем тут...

– Мапочки, – повторил Витька, клацнув зубами. – То есть как это? Совсем? Да что же это за место такое? И почему в учебнике географии про него ни слова? Вы нас обманываете, да?

– Обманываю? – Жадный даже повернулся к нему, шурясь, будто тусклое зеленое свечение его слепило. – А зачем мне это? Совсем я вас не обманываю. Сами должны были знать, куда шли. Поляна Реакторная Станция, добро пожаловать.

Он продолжал бормотать сквозь шум заводских установок, что-то переключая на панели станка и время от времени сверяясь с расписанием ведения протокола.

– Заблудились они, так я и поверил... – ворчал Жадный, хотя особенного недовольства в его голосе не слышалось. – Правда, на ссыльных вы тоже не похожи... Да и не стали бы детей на Станцию ссылатъ, не до такой же они степени...

Не особенно понимая, о чем бурчит этот странный дядька, дети продолжали играть в молчаливые гляделки. Витька шмыгал носом, Димка все еще закрывал собой сестру, а та с интересом прислушивалась к словам Жадного.

– Ну и как же вас сюда занесло-то, горемычные?

– Я же сказала уже... мы заблудились... вместе с папой приехали, а потом потерялись, – ответила Настя, отчего-то гораздо больше мальчишек увлеченная беседой.

– Вы что, дети Смотрителей? Видел я таких, вы совсем не похожи.

– Нет, что вы, мы с Заботинска. Наш папа не Смотритель, он механик, хоть и очень высокого разряда. А что вы делаете?

– Как это, что я делаю? – Жадный отвернулся от кнопок и переключателей, окинув всех троих внимательным взглядом. – Вахту несую. Выполняю свою часть работы по управлению Реакторами, полировать твой хром. Неужели не понятно?

– Извините, – зачем-то сказал Витька. – Мы не сообразили.

– А, врем, значит?.. – улыбнулся Жадный, и дети увидели, какие у него грязные и неопрятные зубы. – Я же говорил, что в рунов издали чую... Ну да ладно, мне дела нету. Не могу понять, откуда же вы тут взялись, но сразу видно, что и слыхом про Станцию не слыхивали.

– Ну и что с того? – вдруг вступился Димка. – Может, нам это просто еще не преподавали?

– У-у-у, дружок, – хмыкнул уродец, подстраивая очередное регулировочное колесико и прислушиваясь к его щелчкам, – такого вам и не расскажут. Ну скажи, зачем добропорядочным гражданам Спасгорода знать, что глубоко-глубоко под их ногами находится поляна, на которой недобропорядочные элементы до конца своих дней обслуживают старинные Реакторы?

– Не-до-бро-порядочные? – тихонечко поинтересовалась девочка, а Виктор задал другой вопрос.

– Что это значит, «до конца своих дней»?

– А то и значит, – сразу обоим ответил Жадный, и на этот раз более грубо, – что злодеев, законы города нарушающих, до самой смерти сюда ссылают. Даже если бы право на помилование было, все равно в соседстве с этими милыми агрегатами, – и он со злостью кивнул в сторону четырех гигантских резервуаров, – долго никто не протягивает...

– Ой, мамочка, – вдруг отшатнулся Витька, а лицо его побелело, что было заметно даже в полумраке. – Да я же знаю, кто вы такие! Вы – черви!

Жадный улыбнулся медленно и плотоядно, будто съел что-то очень вкусное и приятное. Неторопливо отложил планшет на край приборной доски.

– Да ты что несешь-то, Витька? – торопливо одернула брата Настя, с опаской косясь на взрослого, но предпочтя отступить на полшажка. – Дяденька Жадный, вы простите его, пожалуйста, он иногда...

– Да ладно тебе. – Тот вдруг приподнял мозолистую ладонь, уже начинавшую усыхать в размерах. – Прав братец твой, прав. Именно так нас и называют. Наверху. Да и сами себя мы нередко так кличем. Червями, в точности.

– Быть не может! Черви на людей не похожи! – отрезал Димка, но Жадный только хмыкнул.

– Как это, не может? Очень даже может. И вы, голубки, раз уж тут очутились – не знаю как, правда, – скоро такими же станете. Тут уж ничего не попишешь...

– А вы нам не угрожайте! – с вызовом надулся Димка, опять сжимая кулаки, и его брат встал рядом, поддерживая.

– Такое в принципе невозможно! Мы – люди, мы не сможем стать... стать такими... – Витя замялся, с надеждой и страхом глядя на Жадного, но тот лишь продолжал ухмыляться.

– Вы, ребята, не подумайте дурного, я-то лично вам зла не желаю... Но так у нас заведено, все новенькие через это проходят...

– Мы не новенькие, мы скоро уедем с папой на Лифте обратно на Заботинск! – вставил Димка, но работник Реактора будто не услышал его, продолжая:

– Сделают вам укольчик, что процесс ускоряет, а после него мутация быстрее пойдет, как по маслицу. Да вы, ребята, не пугайтесь, один-единственный укольчик, это не больно вовсе – а вот без него нельзя. Без него Реакторы вас высосут, и пикнуть не успеете. А так, хоть в червей превратитесь, проживете дольше, на благо Спасгорода работая.

И он с грустью замолчал, глядя в ржавый железный пол.

– Я не стану червем! – со злостью выпалил Витька. – Я стану ученым и попаду на научные поляны!

– А я стану агрономом! – поддержала его Настя.

Она изо всех сил пыталась показать, что вовсе не напугана до кончиков волос словами Жадного. Словами, прозвучавшими как приговор. Сейчас ей казалось, что на ярусе стоит такой холод, что не спасала и курточка.

– Нет, друзья, – прошептал человек в брезентовом комбинезоне, и теперь его слова были едва различимы в постоянном шуме Реакторной Станции, – уже не станете. Никогда.

– Ой-ой-ой! – пискнула вдруг девочка в полный голос. – Пожалуйста, я не хочу укольчик!

И она уже приготовилась по-настоящему разреветься, как тут со всех сторон раздался злобный каркающий смех. Сбившись в кучку и прижавшись к друг другу спинами, дети завертели головами. Но куда бы они ни бросали взор, везде видели окруживших их червяков, что гнались за ними от самого Лифта.

Один из них перегородил правый проход, второй стоял в левом, а остальные, нависая бесформенными тенями, сидели прямо на станках и приборах, хищно рассматривая беглецов с высоты. В тонких белых пальцах червей были зажаты палки и уже знакомые детям пистолеты, похожие на машинки для уколов.

– Попались, гаденыши! – завопил тот, кого звали Паленым.

Вожак кровожадно скалился, и теперь стали заметны блестящие металлические кольца, для украшения вставленные в его нос, правую щеку и верхнюю губу.

Жадный вдруг съежился, словно боялся, что сейчас его будут бить.

– Думали удрать? Куда там! Закон един – с нашей поляны никто не удирает! Держи их, ребята!

И помощники вожака поспешили к близняшкам, хватая тех за руки. Окружили, больно стискивая пальцы и притоптывая, радостно загоготали, крайне довольные добычей. Сам Паленый, неторопливо спускаясь с высокого узловатого механизма, улыбался шире всех.

– Эй, как там тебя? Жадный вроде? Ты молодец, Жадный, что детишек задержал! Я Старшему скажу, он тебя наградит!

– Да я не задерживал, в общем-то, – тихо-тихо и неуверенно промямлил тот, торопливо натягивая черные сварочные очки, пришитые к брезентовой шапке. – Они сами тут... Я даже не...

– Ладно тебе. – Паленый по-хозяйски похлопал его по плечу своей сморщенной ладошкой. – Не скромничай. Ну что, детишки, добегались? – Теперь он повернулся к пленникам, пахнув в лицо Димке кислой капустой. – Добро пожаловать. Не знаю, как вас сюда занесло мимо контрольного пункта, да и знать не хочу. Пошли, ребята, тащи этих неженков с собой!

И он развернулся на толстых каблуках, направляясь куда-то в центр поляны. Остальные, цепко держа детей в своих скрюченных лапках, двинулись следом. Конечно же, Димка и Витя, да и Настя тоже – все они пробовали отбиваться, в надежде вырваться из плотного кольца червей и убежать. Но слабенькие на вид руки держали на удивление крепко, а за каждый рывок кто-то из троицы тут же получал увесистую затрещину концом палки. А потому они по очереди

(последним, разумеется, устал Димка) сдались, обессиленно повиснув на своих пленителях. Настя тихо плакала, текли слезы и по щекам Виктора. А червяки, не обращая на это никакого внимания, с хохотом продолжали тащить их куда-то вглубь, оставив за спиной съезжившегося Жадного и его прибор, похожий на клавесин.

Трудно сказать, как долго черви волокли детей в глубину поляны (очень сложно следить за временем, если тебя куда-то тянут против воли). Но в какой-то момент злобные человечки под предводительством Паленого остановились, бросив уставших и напуганных пленников прямо на грязный пол. Стараясь держаться поближе друг к другу, те наконец смогли оглядеться, сразу же определив, как далеко-далеко от внешней стены города унесли их похитители. Теперь четыре могучих агрегата, что своими тушами возносились прямо под потолок, окружали их ровно со всех сторон, светясь зловещим зеленым огнем и выпуская в воздух струи пара. А в проходах, ютясь меж незнакомых станков и странного вида приборов по накоплению энергии, раскинулся целый город.

Но город червей не был похож на уютный и чистый Заботинск, к которому так привыкли наши герои. Поселение, куда их притащили приспешники Паленого, больше напоминало отражение родного поселка механиков в дико искривленном зеркале. Распахнутыми от ужаса и удивления глазами близнецы разглядывали городок, обессиленные настолько, что не могли произнести ни звука.

Дома, абсолютно все одноэтажные, были изготовлены из железных прутьев и листов, больше напоминая огромные сита – совсем как сетчатые приспособления, через которые мамы обычно просеивают муку, – только увеличенные в сто раз. Дверей и окон, как таковых, не было – их заменяли наиболее широкие лазейки между прутьями. Кое-где, но далеко не на всех хибарах, прутья были завешены тряпьем или полиэтиленом, не давая увидеть, что происходит внутри.

Отсюда, снизу, из самого центра Червигорода, можно было разглядеть и леса (ошибочно принятые за строительные, помните?), опутывавшие агрегаты у них над головами. И вдруг оказалось, что на них тоже кто-то живет – там коптели крохотные печурки, разогревая обеды. Кто-то спал, завернувшись в старые одеяла. Кто-то шел в гости, с легкостью и без страха упасть, преодолевая уровень за уровнем. Обслуживая гигантские механизмы, черви жили прямо на их стенах, из тросов, железных балок и брезента создав над своей столицей сразу четыре подвесных поселка.

При этом на дне поляны жизнь кипела не столь активно – вероятно, большинство жителей находилось на вахтах. Между домишками были натянуты веревки, на которых сушилась грязная заношенная одежда, кое-где из кривых жестяных труб шел дым, пахло пригоревшей едой. В воздухе по-прежнему царили звуки работающей фабрики – шипение, свист, лязг и тархтение механизмов. Но теперь они казались настолько привычными, что воспринимались, словно неотъемлемая часть этого жалкого городишки.

Кстати, улиц в привычном понимании этого слова тут не встречалось – слишком уж беспорядочно были понатыканы повсюду странные круглые жилища, обтянутые тряпками. В проходах между строениями, густо коптя черным дымом, горели костры, разведенные прямо на полу поляны или в высоких железных бочках. Воняли они нестерпимо, ведь на растопку шли обломки мебели, пластмасса и отходы с ферм. Греться у огня мелкими группками по трое-четыре, повсюду стояли отдохавшие от работы черви – кутались в брезентовую одежду и протягивали к огню тощие ручонки.

Судя по всему, их тут жило много, очень много, почти как жителей Заботинска, а может быть, даже больше, и от этого зрелища Настя опять заплакала.

О чем-то радостно переговариваясь с встреченными на улочках знакомыми, помощники Паленого довольно быстро передохнули и опять подхватывали детей на руки.

– Витька, не бойся! Настя, не плачь! – успел скомандовать Димка, и их вновь куда-то потащили. – Мы справимся, только не сдавайтесь...

Теперь со всех сторон на них уставились бездушные черные стекла очков, скрывавших крохотные злобные глазки местных жителей. Одобрительно качая гигантскими головами, греющиеся у костров черви обсуждали свежую добычу, принесенную в город Паленым. Внезапно заметив у костра-бочки нескольких женщин, Витька уже приготовился было закричать «тетенька, помогите!», но тут же умолк. С самого первого взгляда становилось понятно, что женщины Червигорода ничем не отличаются от своих жутких мужчин. Такие же большеголовые, с крохотными ручками, они казались даже еще более зловещими, потому что вдруг напомнили детям маму, попавшую в искаженный мир. Плотно облизываясь, червячихи смотрели вслед процессии Паленого, о чем-то перешептываясь.

Протащив хнычущих детей через половину поселения, Паленый и его бандиты остановились на большой (скорее всего, центральной) площади, украшенной по краям постаментами и грубыми подобиями флагов. Штандартов было много, десятка три, но без ветра их тяжелые полотнища лишь уныло свисали с флагштоков, больше напоминая грязные тряпки, чем добавляли общей картине долю уныния и скорби.

Сам Паленый тут же направился на дальний конец площади к просторному зданию, сплошь затянутому непрозрачной полиэтиленовой пленкой. Его удалцы, со смехом подгоняя добычу тумачами и тычками палок, двинулись в сторону флагов.

– Мамочка родненькая, – выдохнула Настя, только сейчас разглядев невысокую постройку под пьедесталом, к которой их тащили черви. – Ну пожалуйста, не надо...

Но бандиты оставались непреклонны, отпустив детей лишь перед длинным рядом низких ржавых клеток, огибавших площадь с одной из сторон. Лязгнули замки, со скрипом отворилась крохотная дверца ближайшей камеры, после чего наших героев одного за другим силой затолкали в клетку. Захлопнув за ними дверь и защелкивая замок, червяк мерзко захихикал, после чего банда Паленого направилась с площади прочь.

Наконец-то оставшись одни, пленники только сейчас прочувствовали и осознали весь ужас случившегося, а также возможные последствия.

– Мы ведь не умрем, нет? – спросила Настя, растирая по щекам высохшие слезы и грязь. – Это ведь не может так просто произойти, да?

– Тьфу на тебя, дуреха, не болтай, чтоб тебя Птица в зад клюнула! – Опускаясь на корточки, Димка принялся осматриваться, а Витька первым делом полез изучать замок тюремной камеры. – Нам умирать рано, папа всегда так говорит...

Потолок клетки был невысоким, но детям вполне хватало места даже для того, чтобы встать в полный рост. Решетчатые стены и такая же крыша позволяли с легкостью изучить центральную площадь Червигорода и ее редких посетителей. Как было заметно, все остальные камеры сейчас пустовали. Однако ни достаточное пространство клетки, ни хороший обзор не сулили близнецам ничего хорошего – на двери висел ржавый, но очень и очень крепкий замок.

Еще в камере нашлись четыре драные синтепоновые подстилки, грязная миска и старый гнилой башмак. Влажные от пара флаги, укрепленные на пьедесталах над клетками, вяло раскачивались, повсюду стоял грохот и шум работающих агрегатов.

– Нужно бежать, пока они впрямь не сделали нам уколы, – очень серьезно прошептал Витя. Окончил осмотр клетки, опустился на пол и прислонился спиной к решетке. – Если черви владеют препаратом, изменяющим людей, мы должны сбежать раньше, чем они смогут им воспользоваться...

– Умник, тоже мне, – пробормотал Димка, злым пинком оценив прочность двери. – Хорошо сказать – бежать... Есть какие-то идеи?

– Пока нет, но я думаю, – спокойно ответил его брат, хотя было заметно, что внутри Витька совсем не спокоен. Он уже не плакал, но губы подрагивали. – Выход найдется всегда...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.